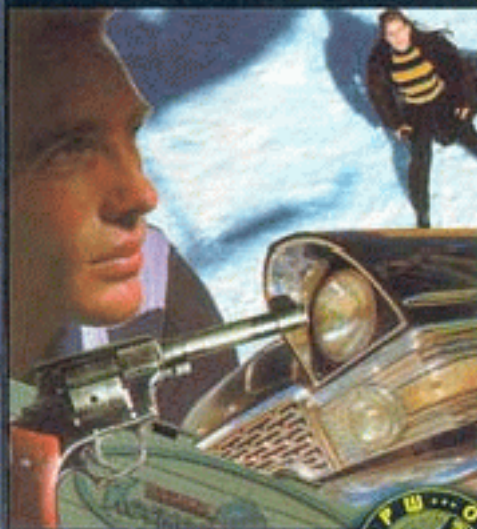

Фридрих
НЕЗНАНСКИЙ

Выбор оружия

Марш Турецкого

Фридрих Незнанский

Выбор оружия

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Выбор оружия / Ф. Е. Незнанский — «Автор», — (Марш Турецкого)

Президент одного из ведущих российских банков предлагает частному детективному агентству `Глория` выяснить, не `грязные` ли деньги собирается вложить в разработку полезных ископаемых на Севере России бывший дессидент, а ныне крупный американский бизнесмен. Расследование неожиданно обрастает такими деталями, которые требуют срочного вмешательства Генпрокуратуры, и в частности `важняка` А.Б. Турецкого.

© Незнанский Ф. Е.

© Автор

Содержание

Вместо пролога	5
Глава первая. ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ТУНДРЫ	10
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Фридрих Евсеевич Незнанский

Выбор оружия

Вместо пролога «ВАЖНЯК» В ОПАЛЕ

В начале июля 1996 года, вскоре после того, как переизбранный на второй срок Президент России Б. Н. Ельцин был приведен к присяге, в небольшом южнобаварском городке Гармиш-Партенкирхен, расположенном в живописном предгорье Альп и известном тем, что в нем дважды проходили зимние Олимпийские игры, начал свою работу международный симпозиум на тему «Научно-технический прогресс и сфера обитания человека». В работе симпозиума, как явствовало из пресс-релиза, участвовали эксперты из Германии, России, США и Великобритании, основным докладчиком был профессор Мичиганского университета господин Дэвид Н. Биггерс, известный своим активным участием в деятельности движения «Гринпис».

Взгляды Биггерса на проблему были широко известны по его многочисленным выступлениям в мировой печати, сама проблема защиты окружающей среды при всей ее важности также не содержала ничего сенсационного, поэтому внимание прессы к симпозиуму в Гармише было не слишком значительным. В «Мюнхен беобахтер» в разделе хроники появилось всего несколько строк, а в местных гармишских газетах – чуть больше, при этом упор делался не на значительность международного симпозиума, а на те удобства, которые Гармиш-Партенкирхен может предоставить будущим устроителям всевозможных конференций и симпозиумов любого уровня.

На этом интерес прессы к симпозиуму был полностью исчерпан, на что, собственно, его устроители и рассчитывали. Более того, даже если бы кто-нибудь из журналистской братии решил из праздного любопытства поприсутствовать на продолжении симпозиума, ему бы это не удалось: все входы в «Президент-отель», в конференц-зале которого проходили заседания, были надежно блокированы двумя десятками молодых людей. На лацканы их корректных костюмов были прикреплены визитные карточки с названием страны, которую они представляют, и с надписью «Консультант». Они были безукоризненно предупредительны, их пиджаки не топорщились от оружия, но не нужно было обладать особой проницательностью, чтобы догадаться, что это охрана, причем такого высокого класса, что ей и оружия никакого не нужно, чтобы обеспечить безопасность вверенного ее попечению объекта.

Этим объектом были участники международного симпозиума «Научно-технический прогресс и сфера обитания человека». На самом же деле тема симпозиума звучала иначе: «Актуальные проблемы международного сотрудничества по борьбе с транснациональными мафиозными структурами, терроризмом и организованной преступностью». Целью обсуждения была выработка конкретных рекомендаций по созданию международного центра, который координировал бы действия правоохранительных органов стран-участниц в борьбе с этим новым глобальным злом: сращиванием международных преступных группировок, захватом ими не только подпольных (торговля наркотиками или оружием), но и вполне легальных сфер бизнеса, проникновением мафии и ее агентов влияния не только в экономику, но и в политику.

Делегации США, России, Германии и Англии возглавляли высокопоставленные руководители служб безопасности, в состав делегаций на правах экспертов входили по три-четыре человека от каждой из стран, лучшие из лучших: американские полицейские и агенты ФБР, инспекторы Скотленд-Ярда, германские оперативники, сотрудники ФСБ и Генеральной про-

куратуры России. Среди членов российской делегации был и старший следователь по особо важным делам при Генеральном прокуроре России А. Б. Турецкий.

Секретность, с которой была обставлена подготовка к этому симпозиуму, была столь велика, что лишь руководители делегаций знали, что толчок к этой работе был дан не кем иными, как лично президентами США и России Б. Клинтон, Б. Ельциным, премьер-министрами Германии и Великобритании Г. Колем и Д. Мейджором, во время конфиденциальной встречи на юбилейной конференции Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке. США, более других обеспокоенные внедрением «русской мафии» в жизнь своей страны, настаивали на ускорении этой работы, российская сторона медлила в ожидании исхода президентских выборов и лишь после победы Б. Ельцина во втором туре дала согласие на встречу в Гармише.

Второй день симпозиума начался с доклада руководителя американской делегации, начальника разведшколы в Вашингтоне Питера Реддвее. Он длился более двух часов и был выслушан участниками симпозиума с напряженным вниманием. Факты, содержащиеся в докладе, были всем слушателям более или менее известны, но вашингтонские аналитики проделали весьма объемную и глубокую работу по их обобщению, выявили связь между событиями в разных местах планеты от Боснии и Герцеговины до Чечни и Таджикистана, от турецкого Курдистана до оккупированной части Палестины и Ливии, в итоге картина угрозы всему цивилизованному миру предстала более чем убедительной. Основная мысль Реддвее заключалась в необходимости сделать борьбу с этой новой и страшной угрозой миру приоритетной для всех правительств. И не только в плане организационном. Не меньшую роль он отводил и человеческому фактору: к этой работе должны быть привлечены самые талантливые, опытные и бесстрашные люди. Питер Реддвей был умелым оратором и позволил себе заключить свой доклад шуткой: «Нам нужны Джеймсы Бонды – и не один, не десять, а столько, сколько сможет дать каждая из стран. Только в этом случае мы можем рассчитывать на успех». Шутка имела успех – по лицам сидящих в конференц-зале пробежали улыбки.

Содоклады других руководителей делегаций дополнили картину, нарисованную Реддвеем, но не прибавили ничего принципиально нового. Обсуждение организационных вопросов и вовсе охладило интерес зала. В начале третьего дня слово для выступления было предоставлено – по его просьбе – члену российской делегации эксперту Турецкому.

Он довольно сносно говорил по-английски, но справедливо решил, что его знания языка, которого вполне хватало для общения с коллегами за стойками уютных баров отеля, все же недостаточно для выступления с трибуны симпозиума и лучше положиться на профессиональных лингвистов, ведущих синхронный перевод всего, что происходило в конференц-зале. Поэтому он говорил по-русски. Тезисы его выступления таковы.

Доклад господина Реддвее и содоклады руководителей делегаций вполне согласуются с задачами, которые от имени Б. Н. Ельцина поставил перед всеми силовыми структурами и правоохранительными органами России секретарь Совета Безопасности Российской Федерации.

Ход обсуждения организационных вопросов свидетельствует о том, что осуществляется попытка создать еще одну международную бюрократическую структуру, которая вместо реальной борьбы с трансконтинентальной мафией и терроризмом будет заниматься вопросами согласования и утряски между ведомствами разных стран. Если же идти по правильному пути, то нужно думать не о новой структуре, а о совершенствовании структур уже действующих – в частности, Интерпола и Европола, которые не справляются или плохо справляются со своими задачами именно в силу бюрократичности их организационных схем.

Господин Реддвей в шутку уподобил сотрудников нашей новой структуры Джеймсу Бонду – конечно, без придуманного романистом Иэном Флемингом права на убийство, действующему в согласии с законами той страны, в которой он в данный момент работает. Вынужден напомнить всем присутствующим, говорил Турецкий, что у легендарного супершпиона Джеймса Бонда всегда было только одно задание: найти и нейтрализовать злоумышленника

– как правило, преступника примерно такого же масштаба, с какими придется иметь дело всем нам. По правилам игры, заданным романистом Иэном Ланкастером Флемингом и его киноинтерпретаторами, Джеймсу Бонду не нужно собирать доказательства для суда, выполнять несметное количество процессуальных действий, обязательных для каждого работника правоохранительных органов, ограничивать себя в личной инициативе, когда она требуется обстоятельствами, но расходится с законодательными нормами. И так далее. Каждый из вас может продолжить этот список ограничений. Я согласен с господином Реддвеем: в наших странах при соответствующей работе мы сможем найти и подготовить к активной деятельности десятки Джеймсов Бондов. Но если, как к тому ведет ход суждения, мы поставим их в положение чиновников, эффект от их работы будет минимальным, а если говорить откровенно – просто нулевым.

Из всего вышеизложенного вытекает мое главное предложение: мы должны думать и работать не над созданием еще одной межправительственной структуры, а над созданием совершенно самостоятельной организации, руководитель которой будет подотчетен единственному человеку – Генеральному секретарю ООН или одному из его уполномоченных заместителей. Вопросы финансирования, подбора и подготовки кадров, распределение стратегических, тактических и оперативных заданий должен решать единолично руководитель этой структуры, сотрудникам ее должна быть предоставлена полная свобода действий – опять же, повторил Турецкий, в рамках законов той страны, в которой они вынуждены будут работать. Внедрять своих агентов в мафиозные образования, вести агентурное наблюдение, производить все иные мероприятия, призванные в конечном счете вывести преступников на чистую воду, – все эти вопросы должен решать каждый из наших сотрудников самостоятельно, возможно, согласовывая свои решения с руководителем группы, а иногда и без этого, потому что, как показывает практика, часы, а иногда даже и минуты решают успех всего дела. «И вы все это знаете не хуже меня», – закончил Турецкий свое выступление.

Он вернулся на свое место в четвертом ряду. Рядом с ним сидел руководитель российской делегации, высокий чин из ФСБ. По всему было видно, что он недоволен выступлением соотечественника. Не то чтобы отвернулся, а как-то сжался и отпрянул от него, из чего Турецкий заключил, что его ждут неприятности – и немалые.

«Да и плевать!» – неожиданно разозлившись, подумал он.

Симпозиум был рассчитан на четыре дня, но после выступления Турецкого и выступлений горячо поддерживавших его экспертов из Англии, США и Германии Питер Реддвей закрыл конференцию, сославшись на то, что в свете принципиально нового подхода, предложенного господином Турецким, руководителям делегаций необходимо проконсультироваться со своими правительствами.

На следующее утро после возвращения в Москву Турецкий был вызван к Генеральному прокурору России. В его кабинете был и заместитель прокурора по следствию, старый друг и учитель Турецкого Константин Дмитриевич Меркулов. Весь минувший вечер Турецкий пытался найти Меркулова, но безуспешно: Константин Дмитриевич, как сказали его домашние, уехал к кому-то на дачу отмечать юбилей и обещал приехать лишь утром – и сразу на работу. Так что к разговору с генеральным, который – как небезосновательно предполагал Турецкий – будет совсем нелегким, ему пришлось готовиться в одиночку.

За неполный год работы нового генерального прокурора у Турецкого сложились с ним ровные, сугубо деловые отношения. Но сейчас генеральный с трудом сдерживал раздражение. Начал он без предисловий:

– Своим выступлением на симпозиуме в Гармише вы фактически сорвали мероприятие, санкционированное высшими руководителями четырех стран, в том числе и лично Президентом России.

– Вот как? – удивился Турецкий. – Я этого не знал.

– А если бы знали? Придержали бы свой язык?

Турецкий подумал и твердо ответил:

– Нет.

– Ваша безответственность поразительна!

– Вас неправильно информировали, – возразил Турецкий. – Я всего лишь высказал свои соображения о том, что работа симпозиума пошла по принципиально неправильному пути.

– Вы были обязаны согласовать свое выступление с руководителем российской делегации.

– Регламент симпозиума предусматривал свободный обмен мнениями. Я просто воспользовался своим правом.

– Тем не менее после вашего выступления симпозиум был прерван на день раньше намеченного срока.

– Это говорит лишь о том, что мои доводы многим показались убедительными. В том числе и мистеру Реддвее. По его просьбе я изложил тезисы своего выступления письменно. Они были размножены и вручены всем руководителям делегаций.

– Почему я ничего не знаю о ваших тезисах?

– Вопрос не ко мне, – ответил Турецкий. – Но вот они.

Он положил перед генеральным прокурором три машинописные страницы, над которыми просидел почти всю минувшую ночь, стараясь сделать текст как можно более кратким и убедительным. Это была докладная записка, адресованная Президенту России и секретарю Совета Безопасности.

Генеральный прокурор внимательно проглядел и не без иронии поинтересовался:

– Вы уверены, что они будут это читать?

– Не очень на это рассчитываю, – признался Турецкий. – Для меня важно было это написать. Могу только надеяться, что мою докладную записку прочтает кто-нибудь из людей, полномочных принимать ответственные государственные решения.

– До выяснения всех обстоятельств дела я буду вынужден отстранить вас от работы.

– В этом нет необходимости. – Турецкий положил на стол генерального прокурора заявление об увольнении по собственному желанию, загодя приготовленное на случай, если разговор примет именно такой крутой оборот.

Генеральный прокурор нахмурился.

– Вы в самом деле хотите уволиться из прокуратуры?

– Нет. Но этого, как я понимаю, хотите вы.

Генеральный надолго задумался. Наконец сказал:

– Я дам вам знать о своем решении. А сейчас не смею вас больше задерживать.

Турецкий встал.

– Подожди меня в моем кабинете, – обратился к нему Меркулов. Они уже лет пятнадцать, если не больше, были друг с другом на «ты», но сейчас, в напряженной атмосфере кабинета генерального прокурора, нескрываясь дружелюбное меркуловское «подожди» могло означать лишь одно: если для Турецкого этот тяжелый разговор закончен, то для генерального вторая половина его еще впереди – и она вряд ли будет намного легче.

Ждать Турецкому пришлось не меньше часа. Когда Меркулов вернулся наконец в свой кабинет и водрузился за необъятным письменным столом, он будто не заметил вопроса, сквозившего в напряженном взгляде Турецкого. Благодушно поинтересовался:

– Ну и как, проветрился в Гармише? Как там Альпы?

Турецкий лишь пожал плечами.

– Альпы как Альпы.

– Пивка баварского попил? На лыжах покатался?

– Какие лыжи? – удивился Турецкий. – Лето в Альпах – мертвый сезон.

– Люди-то хоть интересные были?

– Были и интересные. Ханс Юнге был из Франкфурта-на-Майне – помнишь, с которым мы дело об убийстве банкира Алмазова разматывали? – См. роман Ф. Незнанского «Контрольный выстрел» (М., 1996).» Франц Шмидт из гамбургской криминальной полиции. Боб Портер из Лондона. Совершенно потрясающий малый. Семь языков. И все – на «Файф левел». На «Пятом уровне» – на уровне носителей. По-русски говорит, как коренной петербуржец из хорошей семьи. Кто еще? Кэт Вильсон из нью-йоркской полиции. Тоже – три языка, включая русский, хоть и не на «Файф левел». Афро-американка, как сама сказала. Негритянка или мулатка. В двадцать четыре года уже лейтенант, начальник отдела по расследованию убийств. Это как Володя Яковлев из МУРа. На наши деньги получается – подполковник. Чертовски красивая. Но нрав как у дикой кошки.

– Приручить не пытался? – поинтересовался Меркулов. – Или побоялся, что исцарапает?

– Слушай, Костя, кончай ты мне душу мотать! – взмолился Турецкий. – Что ты обо всем этом думаешь?

Меркулов помедлил с ответом.

– Заварил ты кашу. Ну что я могу сказать? Все правильно, Саша. Хорошо просчитано. Кроме одного. Вот твое заявление. И вот что я с ним делаю...

Он разорвал листок на четыре части и бросил обрывки в корзину для бумаг.

– Что это значит? – спросил Турецкий.

– Это значит, что с сегодняшнего дня ты находишься в отпуске. Приказ подписан генеральным прокурором. Сколько у тебя осталось неиспользованного из очередного отпуска?

– Недели три.

– Вот эти три недели ты будешь в обычном отпуске. А затем – в отпуске без содержания, по семейным обстоятельствам. Табельное оружие сдай.

– Удостоверение тоже сдать?

– Зачем? Ты же не уволен. И даже не выведен за штат. Просто находишься в отпуске. Правда, в старину такой отпуск называли опалой.

– И сколько продлится моя опала? – хмуро спросил Турецкий.

Меркулов покачал головой.

– Этого тебе сейчас не скажет никто. И чем она закончится – тоже...

Глава первая. ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ТУНДРЫ

Они подходили к Норильску с северо-востока, двое, он и она, оставляя по правую руку огромные плоские пространства тундры, обманчиво-мирные, поблескивающие в малокровном сентябрьском солнце, словно стерня. Слева разворачивались и нехотя отставали мелкие лесистые сопки Талнаха с далекими пыльными копрами над изломами рудного тела. Мощно, полукругом в треть неба, вспухшие впереди бурые горы также медленно расслаивались на увалы и кряжи, из сизодымных, грозового тона подножий обособлялись заводские строения, вначале крупные, соразмерные контуру гор, – прямоугольные блоки плавильных цехов с короткими жерлами труб, потом все более и более мелкие.

Вспыхнула дымным столбом и застыла над городом, справа от гор, ажурная телевышка.

Он вышагивал впереди, с механической размеренностью, не медленно и не быстро, заложив грязные цепкие пальцы за лямки тяжелого рюкзака, словно в проймы жилета, привычно спрямляя путь между круглыми черными озерами. При поворотах солнце золотило щетину на его молодом, обветренном, смуглом безучастном лице.

Она держалась позади, не приближаясь и не отставая, шагах в шести за ним и на шаг в сторону, словно ей мешали смотреть вперед тусклые стволы мелкокалиберной винтовки и карабина у него за спиной. Девушка шла налегке, но подавалась вперед, как если бы ломила ей плечи тяжесть поклажи. Обвисли и не в такт шагам покачивались руки с напущенными на пальцы рукавами темно-красного свитера, выбившимися из-под черного рабочего ватника. Лицо ее, маленькое, смуглое, изможденное, казалось еще меньше между высоким воротом свитера и надвинутым глубоко на глаза козырьком такой же темно-красной вязаной кепки.

Все отчетливее прорисовывались впереди городские кварталы, плотной каменной стеной вытянутые на равнине – дом к дому, торец к торцу, океанским пирсом на кромке тундры. У шагавшей друг за другом пары закладывало уши. Шум города, еще неявный, неясный, постепенно скрадывал привычные для них звуки, оглушительно громкие, единственные звуки в пустой тундре: стук литой резины их сапог о камни и землю, хлюпанье на болотинах, хруст подмерзшего мха. И это ощущение глухоты, на первых порах беспокоившее их и заставившее несколько раз оглянуться, говорило о близости цели, о конце их пути явственней, чем различимые уже тени между домами и солнечные просветы улиц.

Стоял сентябрь, предзимье. Был чистый, ясный, холодный день. Людно было на тротуарах и оттого празднично на сходах в тундру. В просторный пролет поперечного сквозного проезда они вошли, завершая широкую дугу своего маршрута, и каждый, кому попадались они на пути, невольно глядел в ту сторону, откуда они появились, как бы пытаясь найти исток их движения и тем самым понять, кто они, какой печатью отмечены их лица, в стертости которых сквозило что-то большее, чем просто усталость.

Оттуда, с северо-востока, подкрадывались к городу режущие ледяные циклоны, оттуда напознала полярная ночь, вымораживая дороги, оттесняя к югу последние караваны судов.

Словно бы острую знобкость близкой зимы принесли с собой в мирный осенний город эти двое, размеренно прошагавшие обочиной тротуара и скрывшиеся в дверях гостиницы, развернутой тяжелым фасадом на солнечный людный проспект.

Кого только не видывали в этом уютном холле, тесном от аспарагусов и высоких китайских роз. С достоинством метрдотелей, с корректностью таможенников и с проницательностью, завидной для социологов, здесь каждый день быстро и безошибочно распределялись по шести этажам громоздкого, старой постройки здания пассажиры двух постоянных авиарейсов, из Красноярска и Москвы, и всех дополнительных, включая теплоходные в короткие месяцы навигации: проектировщики, монтажники, подрядчики, заместители министров и сопровождающие их лица, поставщики, ученые, фотокорреспонденты – весь разнокалиберный коман-

дированный люд, обычный для молодых, бурно развивающихся городов. И для каждого, кто бы ни подходил к черному пластиковому барьеру дежурного администратора, находилось – в полном соответствии с его значимостью – место в люксе, полулюксе, в номерах на двоих, на троих, на четверых и в общежитии на шестом этаже.

Лишь однажды зятая в черный костюмчик, пожилая дежурная допустила оплошность, приняв за известного полярного исследователя, приезда которого ждали со дня на день, облаченного в кожаную меховую одежду доцента Московской академии коммунального хозяйства, и поселила его в одноместном люксе, хотя для него вполне хватило бы обычного двухместного номера, даже без телефона. И в этот погожий предзимний день именно ей довелось, услышав тройной стук дубовых дверей в тамбуре, а затем близкое звяканье железа о железо, поднять от рапортичек голову и увидеть этих двоих, от которых словно бы сквозняком полоснуло по открытому телу.

Им нужен был номер с ванной. Нужен! Да в таком виде вообще не заходят в гостиницу! С открытым оружием вообще запрещается появляться в городе! Да...

У этих все было против правил. Не было никаких командировочных удостоверений. В паспорте молодого человека стоял штамп о прописке в одном из мужских общежитий города – значит, ни о какой гостинице вообще не могло быть и речи. И наконец – у них были разные фамилии.

Документ, предъявленный со злорадной, как показалось дежурной усмешкой, был чем-то невообразимым по своей наивной наглости.

На листе рыхлой зеленоватой бумаги, вырванном из какой-то амбарной или бухгалтерской книги, даже не на машинке, а от руки, четким почерком человека, привыкшего иметь дело с цифровыми таблицами и чертежами, значилось:

ВРЕМЕННОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО О БРАКЕ

Настоящим удостоверяется, что гр-н Никитин Игорь Константинович, инженер-геолог Гидрогеохимического отряда Норильской комплексной геологоразведочной экспедиции, и гр-ка Новикова Ольга Николаевна, студентка-практикантка Ленинградского государственного университета, 23 апреля с. г. вступили в брак, о чем в журнале радиогр-м отряда сделана соответствующая запись.

Настоящее свидетельство, выданное мной на основании 26, часть IV «Инструкции по проведению геологоразведочных работ в отдаленных и труднодоступных районах», подлежит при первой возможности обмену на соответствующий документ ЗАГСа, а до того момента является официальным актом, подтверждающим факт заключения брака со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Начальник Гидрогеохимического отряда Щукин А. П.

*Свидетели: завхоз отряда, радист I класса Чесноков И. М.,
рабочий-коллектор Задонский И. П.*

И вся эта филькина грамота, обладавшая вместе с тем какой-то жутковатой убедительностью, была скреплена жирным фиолетовым штампом.

Пока дежурная, уставясь в треугольник штампа, тщетно пыталась найти хоть какую-нибудь опору в своем богатейшем жизненном опыте, молодой человек, будто вспомнив что-то неприятное, но необходимое, потянулся к телефону (дежурная содрогнулась, увидев его руку с намертво въевшейся грязью на белой пластмассе трубки), набрал номер.

– Это Никитин. Соедините меня с начальником экспедиции. – Подождал, неприязненно морщась. В трубке шелкнуло – повторил: – Это Никитин. Мы в городе... – Помолчал. – Да, закончили... Нет, на велосипеде. Конечно, пешком. – Еще помолчал. – Может, вы и правы, но я в этом еще не уверен. Скажите в бухгалтерии, пусть нам привезут денег. В счет зарплаты и

полевых. Сколько-нибудь, все равно. Мы в гостинице. Номер? Секунду!... – Он требовательно посмотрел на дежурную.

– Триста двадцать первый, – застигнутая врасплох его взглядом, поспешно откликнулась та, хотя номер этот, двухместный, с ванной и телефоном, был оставлен для каких-то писателей из Москвы и дежурная не собиралась предлагать его этой паре.

– Триста двадцать первый, – произнес он и положил трубку.

За все это время девушка не проронила ни слова, лишь коротко досадливо повела головой, освобождая из горловины свитера подбородок.

И как это часто бывает с людьми, попавшими в затруднительное положение, дежурная думала уже не о том, правильно ли ее решение, а о том, как его реализовать. Но ведь в самом-то деле – не в мужское же общежитие им идти. Оформляя документы, она прикинула, что писателей для начала подселит в трехместный номер на втором этаже, из которого с утренним самолетом на Красноярск убыли два снабженца, а потом переведет в двухместный на четвертом этаже, когда выедут специалисты ленинградского «Гипроникеля». Ничего, перебыются. Неизвестно еще, что это за писатели, а эти...

Что "эти", дежурная тоже не знала, но они были, это бесспорно, свои, причастные к городу, которому и она служила на своем ответственном и нелегком посту. И она даже проводила «этих» на этаж, а через полчаса, когда прикатил геологический «уазик», вновь поднялась к ним с молоденькой девчонкой-курьером, сонной и бестолковой, не знающей ничего, кроме того, что ей было велено в бухгалтерии.

А эти двое, похоже, как вошли, так и с места не сдвинулись. Девушка приткнулась в кресле. Прекрасные черные волосы, давно не мытые, тусклые, рассыпались по его спине. Молодой человек прямо, как старик, сидел на стуле, расстегнув ватник и по-стариковски положив на колени руки.

Выпроводив девчонку-курьера, дежурная замешкалась в коридоре у двери и услышала какое-то движение в номере и голос девушки – напряженный, с хрипотцой:

– Вот мы и вернулись... Игорь...

Внизу дежурная еще раз внимательно перечитала заполненные ими анкеты.

Ему было двадцать пять лет. Ей – двадцать три.

В графе «Цель прибытия в город» в обоих листках стояло «Жить».

Дата вселения в гостиницу: 12 сентября 1971 года.

* * *

Через двадцать пять лет, во второй половине июля 1996 года, недели через две после того, как старший следователь по особо важным делам при Генпрокуроре России А. Б. Турецкий был отправлен в отпуск, в Шереметьево-2 рейсом из Франкфурта-на-Майне прилетел гражданин США русского происхождения господин Никитин Игорь Константинович (в американском варианте – Гарри К. Никитин), пятидесяти лет, уроженец Ленинграда, инженер-геолог, шеф-менеджер крупнейшей в Южно-Африканской Республике геологоразведочной экспедиции, ведущей поиски меди, никеля и других цветных металлов на обширных площадях к северу от Претории.

Немного выше среднего роста, сухощавый, подтянутый, с жесткими чертами сильно загорелого лица, с платиново-седыми, коротко подстриженными волосами, оттенявшими глубину загара, в легком сером костюме с серебристым галстуком от Кардена или Сен-Лорана, он являл собой примелькавшийся уже на международных линиях Москвы тип преуспевающего и уверенного в себе бизнесмена, кем, по-видимому, и был.

Невозмутимый, холодно-безучастный к царившей в залах прилета суете, он терпеливо дождался запаздывавшего, как почти всегда, багажа, снял с конвейерной ленты объемистый

черный чемодан с закругленными углами, «бомбовоз», открыл его и, убедившись, что ничего не украдено (а такое нередко случалось в Шереметьеве-2), направился к стойкам таможенного контроля. Здесь он вновь открыл чемодан, в нем был еще один костюм, темный, несколько рубашек и серый атташе-кейс. В кейсе лежала пачка документов на английском и немецком языках, портативный компьютер, диктофон, наушники и черная плоская коробочка с фирменным знаком «Сони». Предъявленные Никитиным пять тысяч американских долларов, кредитная карточка «Виза», а из драгоценностей – золотое обручальное кольцо с алмазной гранью и швейцарские часы «Мозер» в золотом корпусе и с золотым браслетом – соответствовали записи в таможенной декларации. Убедившись в этом, дежурный вернул приезжему документы.

– Все в порядке. Удачного бизнеса, мистер Никитин.

– Спасибо. У меня бизнес всегда удачный.

Пробравшись сквозь плотную толпу встречающих, Никитин двинулся со своим «бомбовозом» к длинному ряду застекленных клетушек, в которых сидели агенты фирм, предлагающих машины напрокат, но объявление по внутренней трансляции аэровокзала заставило его изменить направление.

«Господина Никитина, прибывшего рейсом из Франкфурта, просят подойти к справочному бюро».

Но возле справочного его никто не ждал.

– Объявление дал какой-то молодой человек минут десять назад, – объяснила ему дежурная в окошечке справочного бюро. – Может быть, он скоро появится. Подождите немного.

Минуты четыре он стоял возле справочного, с недоумением поглядывая по сторонам, затем подхватил чемодан и вернулся к стекляшкам «Рента кар». Ему нужна была машина примерно на месяц, иномарка, новая или почти новая, без водителя, немедленно. Тут ему повезло не сразу. «Москау – Рента кар» могла предложить только «Жигули» и «Волги», в соседней клетушке пообещали иномарку, но лишь завтра утром, только в третьем агентстве – «Рост» – смогли выполнить все его условия.

– Что бы вы хотели: «мерседес», «вольво», «форд-сиера», «джип гранд-чероки»? – уточнил молодой человек, агент фирмы.

– Пожалуй, «форд», – немного подумав, сказал Никитин. – Вы сможете подогнать его сейчас же?

– Как только закончим оформление документов, машина уже будет вас ждать. Ваш паспорт и права, пожалуйста. Будете платить наличными, чеком или кредитной карточкой?

– «Виза» устроит?

– Вполне.

Через четверть часа с формальностями было покончено, агент «Роста» вышел из своей стекляшки и проводил клиента к выходу, предупредительно взяв его чемодан. Но не успел Никитин сделать и двух шагов к поджидающему его темносинему седану «форд-сиера», как на него налетел, едва не сбив с ног, какой-то белобрысый очкарик с дорожной сумкой, опаздывавший, видимо, на самолет, сконфузился и принялся извиняться, прикладывая руку то к своей груди, то к плечу Никитина.

– Ничего страшного, со всяким бывает, – прервал поток его извинений Никитин. Очкарик еще раз попросил прощения и ринулся дальше, в глубь зала.

– Ну чудак! По шее бы ему! Он вас не ушиб? – сочувственно спросил агент «Роста», укладывая чемодан клиента в багажник.

– Все в порядке, – отмахнулся Никитин.

Он молча выслушал объяснения водителя, подогнавшего «форд», который показал, как включается охранная сигнализация, но, когда тот хотел рассказать о назначении кнопок на приборной панели, прервал его:

– Я знаю эту модель.

«Форд» уверенно тронулся с места, однако метров через пятьдесят, на съезде с пандуса аэровокзала, его остановил жезл гаишника. Никитин прижался к бровке, опустил стекло и полез за документами.

– Не нужно документов, – предупредил его движение инспектор ГАИ. – Тут один товарищ хочет с вами поговорить.

Он отошел в сторону, а его место возле водительской двери «форда» занял какой-то человек в штатском.

– У вас ничего не пропало – документы, деньги, что-нибудь из карманов? Я из уголовного розыска, – объяснил он и показал удостоверение.

Никитин похлопал себя по груди и карманам: бумажник был на месте, из карманов вообще пропасть ничего не могло – там были только сигареты, зажигалка и носовой платок.

– Вроде бы все цело. А в чем дело?

– Проверьте еще раз.

Никитин вытащил бумажник, заглянул в него. Подтвердил:

– Все на месте.

– Видите ли, человек, который с вами столкнулся...

– Бывает. Спешил на самолет.

– Из зала прилета не улетают. Нет, этот очкарик – карманный вор, очень ловкий. Мы давно за ним следим. Сегодня вели скрытую видеосъемку. И если бы у вас что-нибудь пропало, мы бы его взяли. Ну ничего. Возьмем. Извините, что задержал. Счастливого пути.

Через час Никитин уже входил в здание старинного особняка на Бульварном кольце, капитально отремонтированное и обустроенное по высшим меркам евростандарта, в нем размещались службы одной из наиболее солидных и влиятельных финансовых структур России – Народного банка. Он назвал свое имя администратору и был незамедлительно принят генеральным директором Народного банка господином Дорофеевым. И хотя в плотном расписании генерального директора эта встреча не была запланирована, а сам господин Дорофеев редко тратил на разрешение самых сложных проблем больше восьми-десяти минут, его конфиденциальная, с глазу на глаз, беседа с Никитиным продолжалась беспрецедентно долго – сорок четыре минуты.

Когда посетитель ушел, Дорофеев вызвал начальника аналитического отдела Бориса Глузмана и начальника службы безопасности Анатолия Андреевича Пономарева, а сам в ожидании их поднялся из-за старинного, тщательно отреставрированного письменного стола с резными панелями и ножками в виде львиных лап, стал ходить по необъятному кабинету. Кроме письменного здесь был и стол для совещаний, за которым могло разместиться не меньше тридцати человек.

Дорофееву около сорока лет, он был невысок, явно склонен к полноте, чего не могли скрыть костюмы от самых лучших портных, сквозь светлые редкие волосы просвечивала близкая уже лысина, добродушное круглое с едва заметными веснушками лицо в минуты глубокой задумчивости становилось безмятежно-рассеянным, и лишь цепкий взгляд и слегка подрагивающие ноздри выдавали напряженную работу мысли.

Когда Глузман и Пономарев появились на пороге его кабинета, Дорофеев вернулся в свое кресло, тоже старинное, с дубовыми резными подлокотниками, и кивнул вошедшим: садитесь. Немного помолчав, обратился к Глузману:

– Тебе, Борис, – все, что есть о никеле. За последние пять-семь лет. Уровень производства, динамика цен, биржевые котировки, основные тенденции на сегодня.

– По России?

– Не только. По всему миру. ЮАР, Канада. Какие там еще страны-производители? Картина должна быть максимально полной.

– Раньше мы никогда не занимались никелем, – напомнил Глузман. – Теперь займемся?
– Может быть. Дело сверхсрочное. Свободен.

Глузман вышел.

– Теперь вам, Анатолий Андреевич. – Дорофеев положил перед начальником службы безопасности визитную карточку недавнего гостя. – В самые ближайшие дни мы должны знать об этом человеке все. Абсолютно все.

– Интересное предложение? – позволил себе полюбопытствовать Пономарев, хотя подобная любознательность в Народном банке не поощрялась.

– Интересное? – переспросил Дорофеев. – Не то слово. Фантастика. Если, конечно, не афера. Но даже если и афера – все равно фантастика.

* * *

Дорофеев. Рад познакомиться с вами, господин Никитин. Директор франкфуртского филиала Дойче-банка господин Шпиллер предупредил меня о вашем приезде. Он назвал сумму, которую вы намерены инвестировать в нашу промышленность, и сказал, что эти деньги уже поступили на ваш счет в Дойче-банке. Как я понял, он это сделал по вашей просьбе.

Никитин. Совершенно верно.

Дорофеев. Проходите, пожалуйста. Устраивайтесь поудобней. Что-нибудь выпьете?

Никитин. Спасибо, нет. Я за рулем.

Дорофеев. Может быть, кофе?

Никитин. Ничего не нужно, спасибо. И за то, что послали своих людей встретить меня – тоже спасибо. Правда, мы каким-то образом разминулись.

Дорофеев. Я никого не посылал встречать вас. Непременно послал бы, но я не знал, каким рейсом вы прилетите.

Никитин. А тогда какой же молодой человек... Впрочем, это не важно.

Дорофеев. Итак, слушаю вас. Только, ради Бога, господин Никитин, не курите, если это вас не очень затруднит. У меня больное горло, совершенно не переношу табачного дыма. Как видите, у меня даже пепельницы нет.

Никитин. Извините, не знал. Разумеется, я не буду курить.

Дорофеев. Итак...

Пауза.

Дорофеев. Как прошел перелет? Вы прилетели во Франкфурт из Претории?

Пауза.

Никитин. Нет, на несколько дней залетал в Нью-Йорк, там у меня были кое-какие дела. А оттуда уже – во Франкфурт и в Москву.

Пауза.

Дорофеев. Утомительное путешествие.

Никитин. Не без того.

Пауза.

Дорофеев. Сколько вы не были в России?

Пауза.

Никитин. Около двадцати лет.

Пауза.

Дорофеев. Тогда вы не узнаете свою родину. У нас очень многое изменилось.

Никитин. Но не все.

Долгая пауза.

Дорофеев. Вы сильно загорели. У вас там, в ЮАР, сейчас, наверное, жарко.

Пауза.

Никитин. У нас всегда жарко. Кроме зимы, когда просто тепло.
Очень долгая пауза.

Дорофеев. Сколько лет вы уже в ЮАР?

Никитин. Восемь.

Очень долгая пауза.

Дорофеев. А до этого где работали?

Очень долгая пауза.

Никитин. В Канаде. Пять лет. И пять лет жил в Штатах, в Нью-Йорке. Был безработным, жил на «вэлфэр» – это такое социальное пособие.

Очень долгая пауза.

Дорофеев. Может, все-таки выпьем что-нибудь? Есть прекрасный шотландский виски.

Пауза.

Никитин. Не стоит. Не хочу осложнений с ГАИ.

Пауза.

Дорофеев. У вас какая машина?

Пауза.

Никитин. «Форд-сиера», я взял ее напрокат.

Пауза.

Дорофеев. Лучше бы взяли «БМВ», гаишники такие машины редко останавливают.

Никитин. По-прежнему не любят связываться с иностранцами?

Дорофеев. Скорее – с бандитами. Их сейчас в Москве больше, чем иностранцев. И они почему-то предпочитают именно «БМВ».

Очень долгая пауза.

Никитин. Не знал. А то бы взял «БМВ».

Очень долгая пауза.

Дорофеев. Не буду больше утомлять вас светскими разговорами. Вам нужно отдохнуть с дороги. У нас еще будет время поговорить о делах. Где вы остановились?

Никитин. Пока нигде. Из Шереметьева я приехал сразу сюда. Остановлюсь в «России» или в «Москве».

Дорофеев. Сообщите мне свои координаты, и мы условимся о новой встрече. Вот моя визитная карточка, здесь телефон моего секретариата. А тут вот я пишу мой прямой телефон.

Никитин. Благодарю вас, господин Дорофеев, за то, что приняли меня. Мне было чрезвычайно интересно познакомиться с вами. Всего хорошего.

Дорофеев. До свиданья, господин Никитин.

Стук передвигаемых кресел.

* * *

Начальник службы безопасности Народного банка Анатолий Андреевич Пономарев выключил магнитофон и взглянул на часы. Ровно сорок четыре минуты. А текста не больше чем на двадцать минут. Он нахмурился. Что-то тут было не так. Еще раз внимательно прослушал запись, проматывая на скорости паузы. Потом вынул кассету, спрятал ее в карман своей кожаной куртки и вышел из узкого, как пенал, кабинета, находившегося на том же втором этаже, что и приемная генерального директора. Проходя мимо приемной, подергал ручку двери. Заперто. Все правильно, рабочий день кончился час назад. Правда, Дорофеев обычно засиживался часов до десяти, а то и до полуночи, если ему не нужно было присутствовать на какой-нибудь презентации или артистическо-политической тусовке. Но обычно он об этом предупреждал Пономарева, а сегодня уехал, ничего не сказав. Очень странно.

По широкой мраморной лестнице с красной ковровой дорожкой Пономарев спустился вниз, в комнату охраны. На одной из стен находились мониторы видеокамер наружного и внутреннего наблюдения. В креслах, положив ноги на низкий журнальный столик, сидели два молодых охранника, одетые так же, как и все служащие Народного банка – черный костюм, галстук. Они курили и пили пиво из жестяных импортных банок. Обернувшись на легкий стук двери и увидев кряжистую фигуру Пономарева, парни поспешно спрятали банки и сняли ноги с журнального столика.

Начальник службы безопасности молча извлек банки из-под кресел, выбросил их в открытую форточку, предупредив:

– Замечу еще раз: будете на помойках пустые бутылки собирать. И курить «Приму», а не «Мальборо». Что тут у вас?

– Все в порядке, шеф, – заверил один из них. – Все разошлись, только у Глузмана работают. В «Звездные войны», наверное, на своих компьютерах режутся.

Он показал на экран, связанный с камерой, установленной в аналитическом отделе.

– Почему камера в кабинете генерального не работает?

– Наверное, забыл включить, когда уходил. Он же сам ее включает и выключает.

– Он ушел?

– Больше часа назад. Вызвал телохранителя и уехал.

– Куда?

– Ничего не сказал.

– Ладно, пойду гляну, что там. И камеру включу. А насчет предупреждения – повторяться не буду...

Пономарев снял со стены увесистую связку ключей и вновь поднялся на второй этаж. Без труда выбрав из связки нужные ключи, открыл двери приемной и кабинета Дорофеева. За окнами сгущались сумерки, отсвет уходящего дня скрадывали кроны тополей и лип Бульварного кольца, на которое выходили забранные пуленепробиваемыми стеклами окна кабинета генерального директора Народного банка. Пономарев задернул тяжелые гобеленовые гардины и только после этого включил свет.

Внимательно осмотрелся. Стол Дорофеева пуст, ни одной лишней бумажки, лишь большой перекидной блокнот в сафьяновом переплете, на листах которого генеральный директор делал обычно свои заметки. Блокнот был раскрыт на чистой странице, несколько листов из него было вырвано. Пономарев достал из внутреннего кармана ключик, отпер ящики стола, начал просматривать документы, укладывая их на место в том же порядке, в каком они лежали. Ничего похожего на вырванные из блокнота листы не нашел. Запер письменный стол, подошел к книжному стеллажу и нажал скрытую книгами кнопку. Одна из секций стеллажа повернулась, открыв небольшой, вмурованный в стену сейф. Это был личный сейф генерального директора Народного банка, в нем хранились самые конфиденциальные документы о коммерческих операциях банка и контролируемых им акционерных обществах и холдинговых компаний.

Отключил сигнализацию. Набрал шифр. Два поворота ключа. Сейф открылся.

Бразильский револьвер «росси» в кожаной кобуре – личное оружие Дорофеева, которым он никогда не пользовался.

Стопки документов.

Пономарев перебрал их. Листов, вырванных из блокнота, не было и здесь. Закрыв сейф и вернув секцию стеллажа на место, Пономарев задумался. Потом подошел к письменному столу Дорофеева, взял из-под стола плетеную корзину и высыпал ее содержимое на полированную поверхность стола для совещаний. Среди небрежно смятых черновиков лежали мелкие клочки плотной веленовой бумаги. Это было то, что нужно.

Погасив свет в кабинете Дорофеева, включив видеокамеру и заперев двери кабинета и приемной, начальник службы безопасности Народного банка вернул ключи охранникам и

заперся в своем кабинете-пенале. Не меньше часа понадобилось ему, чтобы сложить клочки листов один к другому. Это было посложней любого пасьянса, но в конце концов Пономарев с этой работой справился. И хотя некоторые клочки так и не нашли своего места, текст можно было уже прочитать.

Размашистый почерк Дорофеева Пономарев знал хорошо. Другой почерк, убористый, четкий, с чуть отстоящими друг от друга буквами, принадлежал, несомненно, гостю Дорофеева – этому русскому американцу Никитину. Его почерком и была сделана первая запись:

Ни слова о деле. Нас слушают.

Дорофеев. Кто?

Никитин. Не знаю. Говорите что-нибудь.

Дорофеев. Вы уверены?

Никитин. Да.

Записи в блокноте были сделаны не вдоль строк, а наискось, с наклоном в разные стороны, как если бы собеседники по очереди подсовывали блокнот друг другу. Да так оно, видимо, и было.

Дорофеев. Суть вашего дела?

Никитин. Лицензия на разработку Имангды. Месторождение никеля. 120 км от Норильска. Получите для меня.

Дорофеев. Правительство объявит тендер. Конкурс.

Никитин. Конкурентов не будет. Имангда считается бесперспективной.

Дорофеев. А на самом деле?

Никитин. Потом объясню.

Дорофеев. Ваша стартовая цена?

Никитин. 24 млн. долл. Стартовая и конечная.

Дорофеев. Это все?

Никитин. Нет. Акции концерна «Норильский никель». Купите.

Дорофеев. На всю остальную сумму?

Никитин. Да.

Дорофеев. Смысл?

Никитин. Потом продадите. Акции подскочат на два порядка.

Дорофеев. В сто раз?

Никитин. Да.

Дорофеев. Почему?

Никитин. У меня есть информация. Только у меня одного. Во всем мире.

Дорофеев. Какая?

Никитин. Потом объясню.

Дорофеев. Много вопросов.

Никитин. Приезжайте через час в гост. «Космос», отвечу.

Дорофеев. В каком вы номере?

Никитин. Узнаете у портье. Эти записи сожгите.

Пономарев откинулся на спинку черного офисного кресла. Все стало понятно. Если сложить время на эту переписку и разговор – вот они и будут, все сорок четыре минуты. Он нашел и перечитал самое важное место: «Акции подскочат на два порядка». В сто раз. Пономарев уже около пяти лет работал в Народном банке, всех тонкостей финансового бизнеса он, конечно, не знал, но тут и экономистом не нужно быть, чтобы понять, в чем дело. Вкладываешь миллион

– получаешь сто миллионов. Вкладываешь сто миллионов – получаешь десять миллиардов. А если это не рубли, а доллары? Десять миллиардов долларов. Ничего себе! Это уже не экономика – астрономия! Дорофеев прав: фантастика. Даже если и афера.

Пономарев вынул из кармана кассету, вставил в магнитофон и наговорил на вторую сторону весь текст – медленно, четко, чтобы не пропало ни одного слова. Потом сгреб в кучку плотные обрывки листов и задумался: что с ними делать? Вернуть на место, в корзину для бумаг? Но для этого нужно снова идти в кабинет Дорофеева, брать в охране ключи, отключать видеокамеру. А если охранники забеспокоятся и прибегут – как объяснить им, что еще ему понадобилось в кабинете генерального директора банка? Да и смысла не было: все равно рано утром придет уборщица и вывалит содержимое корзины в общий мусор. Сжечь? Но бумага плотная, плохо будет гореть, да и запах гари останется. Пономарев нашел оптимальный выход: выбросил клочки в унитаз туалета, находящегося в конце коридора, и спускал воду до тех пор, пока все обрывки не унесло в канализацию. После этого вызвал свою машину, «Вольво-940», и уехал домой.

Только одно не давало ему покоя: как мог Никитин узнать, что кабинет прослушивается? Никаких объяснений Пономарев найти не мог. Он бы еще больше встревожился, если бы узнал, что через полчаса после того, как шофер открыл перед ним заднюю дверцу его служебной «вольво», к подъезду Народного банка подкатил серебристый представительский «мерседес», Дорофеев вышел из него и поспешно, с необычной для его тучной фигуры резвостью поднялся на второй этаж и вошел в свой кабинет. Он забыл выключить видеокамеру, и охранники, привлеченные ярко осветившимся монитором, с недоумением наблюдали за странными действиями генерального директора: не снимая плаща, Дорофеев вывалил содержимое корзины для бумаг на свой стол, какое-то время перебирал бумажный мусор, затем нажал кнопку селектора.

Один из охранников взял трубку:

– Слушаю вас, Илья Наумович.

– Откуда вы знаете, что звоню я?

– Я вижу вас на мониторе.

– После того как я уехал, кто-нибудь заходил ко мне в кабинет?

– Никто не заходил. Только Анатолий Андреевич. Вы забыли включить камеру. Он включил. Что-нибудь случилось?

– Нет, ничего. Все в порядке.

Экран монитора потемнел – Дорофеев выключил видеокамеру. Он опустился в свое кресло и долго сидел, прикрыв глаза. Лицо у него было безмятежно-рассеянным, лишь слегка подрагивали крылья ноздрей.

Не все было в порядке. Далеко не все.

Все было очень даже не в порядке.

Все.

* * *

В первые недели своего вынужденного отпуска Турецкий развил кипучую деятельность: подвешивал кухонные и книжные полки, подгонял оконные рамы, перестилал линолеум в прихожей, шпаклевал щели, красил, подкрашивал, доводил до ума квартиру, недоделок в которой после капитального ремонта было пруд пруди. Обычное дело. Спасибо, что хоть ремонт провели довольно быстро, а то бы мыкаться Турецкому с Ириной и Нинкой по чужим углам неизвестно сколько. Быстрота же ремонта объяснялась очень просто: весь нижний этаж их старого московского дома на Фрунзенской набережной отходил какому-то совместному русско-басурманскому предприятию под офис, их-то деньги и подогрели не слишком поворотливых столичных ремонтников.

Ирина только ахала, когда муж демонстрировал ей, вернувшейся с работы, переложенную кафельную плитку в ванной, перевешенные в удобные места бра, прибитые вешалки и крючочки. Об этом она не могла допроситься его годами.

– Сашка, ты гнусный обманщик! – возмущалась она. – Сколько лет прикидывался неумехой! А ты же, оказывается, все умеешь. Когда захочешь...

– Не все, – вполне серьезно и даже с какой-то тронувшей Ирину грустью ответил он.

– Чего же ты не умеешь?

– Любить тебя. Так, как, наверное, должен.

– Перестань, – смутилась она. – Никому ты ничего не должен. И это ты умеешь... Когда захочешь.

Никогда за все годы семейной жизни Турецкий не проводил столько времени дома. Нинка липла к нему, таскала за ним по квартире щетки и молотки, путалась под ногами, повизгивала от восторга, когда Турецкий устраивал с ней веселую кутерьму. Они вдвоем побывали в старом цирке на Цветном бульваре, в новом – на проспекте Вернадского, в Детском музыкальном театре. Но когда Ирина спрашивала, что они смотрели, Нинка только хлопала ресницами и отвечала:

– А я не помню.

Она, наверное, в самом деле не помнила, ей важно было не то, что происходит на сцене, а совсем другое – что рядом с ней он, отец, папка, и до него в любой момент можно дотронуться, приласкаться, и порыв ее не будет остужен его усталым, равнодушным или раздраженным голосом.

Турецкого потрясло, когда она вдруг, ни с того ни с сего, на скамейке в зоопарке, где они ели мороженое, горько, по-взрослому, разрыдалась, уткнувшись лицом в его колени, и долго не могла успокоиться. Когда же наконец судороги в горле отпустили ее, она подняла к нему мокрое от слез лицо и спросила:

– Почему ты всегда не можешь быть таким?

Этот же вопрос Турецкий угадывал во взгляде Ирины и сам себя спрашивал: в самом деле – почему? А кто его знает. «Если мы милосердны к тем, кого любим, и не теряем привязанности к тем, кого обманываем, зачем нам высчитывать, чего в нас больше – хорошего или плохого?» Турецкий часто вспоминал эти слова Грина, не того, который написал «Алые паруса», а другого, Грэма, который прославился «Комедиантами» и «Тихим американцем». Бывший разведчик, шпион, ставший писателем, он, наверное, тоже мучился тем же вопросом: «Почему ты всегда не можешь быть таким?» И нашел ответ, который утешил его и много лет утешал Турецкого, примиряя его с собственной совестью. А теперь вот перестал примирять. Вопрос остался. И ответ на него нужно было искать не в чужих книгах, а в своей жизни.

– Я постараюсь, я буду очень, очень стараться, – искренне пообещал он Нинке тогда, в зоопарке. И он верил в то, что говорил.

А действительно, убеждал он себя, какое мне дело до того, что Костя Меркулов не звонит, а если звонит, то наспех, на ходу, какое мне дело до того, в каких таинственных дебрях новейшей российской государственности увязла моя докладная и что они там, наверху, соизволят решить. Я что, работы себе не найду? Да в ту же «Новую Россию» вернусь. Или в какую-нибудь фирму консультантом. В конце концов, в «Глорию» к Славке Грязнову пойду, давно звал. Звал, остановил себя Турецкий, а сам от такой хорошей жизни в МУР вернулся. Заместитель начальника МУРа, полковник милиции Грязнов. А выпестованное им частное детективное агентство «Глория» на Дениса, племянника, оставил. И выпал из жизни своих друзей. Будто пересел на другой поезд.

Что же за странное расписание у этих поездов жизни? Чем предопределен их маршрут – прямолинейностью стальных рельсов? Или капризами судьбоносных ветров? Если бы знать...

За первые две недели отпуска Турецкий не выпил ни рюмки водки, ни стакана вина – так, пару раз по бутылке «Жигулевского» в знойные дни, опылившие Москву тополиным пухом. Он приспособился по утрам, накормив Ирину завтраком и проводив ее на работу, бегать трусцой вместе с Нинкой по набережной, изнурял себя зарядкой, про которую не вспоминал уже лет пятнадцать, если не все двадцать. Попробовал даже бросить курить, но, промаявшись полдня, понял: это уже слишком. Он мотался по магазинам, носил белье в прачечную, мелочишку стирал сам, готовил завтраки, обеды и ужины, изнурял себя домашней работой, которой, оказывается, даже в самом ухоженном доме не бывает конца, и все чаще ловил себя на том, что вдруг останавливается посреди какого-нибудь дела и смотрит, смотрит... в никуда.

И Ирина, живая душа, это почувствовала. В какой-то из вечеров, уложив Нинку спать, она выставила на стол бутылку молдавского коньяка и предложила:

– Давай-ка дернем по маленькой.

Ну дернули, отчего же не дернуть. С отвычки вроде и не пошло. Выпили еще.

Ирина спросила:

– Что с тобой происходит?

Все – таки третья рюмка дошла до сердца. Турецкий признался:

– Знаешь, Иришка, я себя чувствую так, как пассажир, который сошел ночью на маленькой пристани с парохода. Пароход уходит все дальше и дальше, там музыка, люди, огни, а я стою один на раскисшем косяке, вокруг тьма, дождь, грязь, стою и смотрю ему вслед. А он уходит и уносит с собой праздник.

– Все не так, – помолчав, отозвалась она. – Все совсем не так. Ты не на косяке. Ты и есть пароход. Для меня, для Нинки. Ты и есть для нас праздник.

Вот так. Пароход «Турецкий». Грем музыка, сверка огнями, гуди! Господи, да почему же Костя-то не звонит?

И тут раздался звонок. Но звонил не Меркулов. Звонил Денис Грязнов, новоиспеченный директор агентства «Глория».

– Дядя Саша, не хотите заработать пару баксов честным трудом?

– Честным – не хочу.

– А нечестным?

– Не умею.

– А получестным?

– Это как? – заинтересовался Турецкий.

– Ну примерно так: труд честный, а оплачивается как нечестный.

– Соблазнительно. В чем дело?

– Завтра в час дня я встречаюсь с Дорофеевым. Это генеральный директор Народного банка. Слышали о таком?

– Кто же о нем не слышал. «Хороший банк – это устойчивый банк». Он?

– Не совсем. Но того же калибра. А может, и покрупней. Я хотел бы, чтобы вы присутствовали при нашем разговоре. Дядя Слава тоже обещал подойти, если сумеет вырваться.

– Зачем мы тебе?

– Ну как. Подстрахуете. У меня первая встреча с таким клиентом. Будете оказывать мне моральную поддержку. А если будет нужно – вмешаетесь.

– И сколько я за это получу?

– Это будет зависеть от результатов переговоров.

– Уболтал. Буду. Народный банк – это где-то на Бульварном кольце?

– Да. Но встреча – в нашем офисе на Неглинке.

– Вот как? – удивился Турецкий. – Ты назначил ему встречу у себя?

– Ну да. Не царское это, как говорится, дело – ошиваться нам в приемных банкиров. И в конце концов, позвонил мне он, а не я ему.

– Ну ты наглец, Денис. Мы со Славкой не из скромняг, но ты нам уже пару очков форы дашь.

– Совсем не наглец, – запротестовал Денис. – В душе я очень застенчивый человек. Но, сами понимаете, положение обязывает.

– И он согласился к тебе приехать?

– Не сразу, но согласился.

– Значит, ты ему действительно очень нужен, – заключил Турецкий. – До завтра.

– Денис просит проконсультировать его по какому-то делу, – объяснил Турецкий Ирине, повесив трубку.

Она только и сказала:

– Началось...

* * *

Частное детективное агентство «Глория» занимало несколько комнат в цоколе шестиэтажного, дореволюционной постройки доходного дома на Неглинке, неподалеку от Сандуновских бань. На табличке у стеклянных дверей значилось только название агентства и номер лицензии. И без всяких там пояснений – «конфиденциальные услуги, охрана, розыск пропавших». И прочего, чем занимаются наши доморощенные «секьюрити».

Ехать к Грязнову Турецкий хотел сначала на своем «жигуленке», но потом раздумал: центр, пробки, да еще заглохнет эта зараза в каком-нибудь самом неподходящем месте. И угадал: вместо сорока минут на машине он доехал на метро за четверть часа и подошел к «Глории» свежим, не измочаленным в уличных заторах, ощущая полузабытое удовольствие от того, что так хорошо сидит на нем белый полотняный костюм, что так удобны саламандровские туфли (единственная покупка, которую он сделал во время злосчастного симпозиума в Гармише) и что вообще все хорошо. А что нехорошо, так на это наплевать, бывало и хуже и еще не раз, наверное, будет.

Пришел он минут за десять до назначенного срока. Денис ждал его у входа в агентство. Ну копия Славки Грязнова, если сбросить с того два десятка лет и килограммов пятнадцать лишнего веса. Такой же высокий, рыжий, с такой же хитрованской физиономией. Денис был заметно взволнован. Оно и понятно: не каждый день встречаешься с такими воротилами, как Дорофеев. Но в одежде не проявил никакого пиетета к высокому статусу гостя: был в обычной джинсе и кроссовках, лишь волосы пострижены и уложены у хорошего мастера.

– Что же у вас рекламы никакой нет? – поинтересовался Турецкий. – Что значит «Глория»? Агентство по воспеванию? Или фирма, торгующая окорочками? Поди пойми. Написал бы уж: охрана, розыск.

– Охраной мы перестали заниматься, – объяснил Денис. –хлопотно, да и не всегда контролируешь ситуацию. Держим троих – для приезжих VIP, особо важных персон. Постепенно переориентируемся на услуги финансовым структурам.

– Какие же услуги вы можете им предложить?

– Самые дорогие. Информацию. Хотите посмотреть наше хозяйство?

– Ну покажи, – согласился Турецкий. – Только пора тебе говорить не «наше», а «мое».

– Трудно привыкнуть. Пойдемте...

Внутреннее обустройство «Глории» не било в глаза показушной роскошью, но и бедным его назвать было нельзя: полы в ковролине, черные и белые офисные столы и кресла, фирменная оргтехника. Небольшой холл, он же приемная. Кабинет директора, отделенный от холла высоким, во всю стену, стеклом, украшенным кашпо с какой-то развесистой зеленью. В глубине – комната, набитая спецсредствами: связь, прослушка, лазеры-мазеры и прочие электронные прибамбасы, о них Денис распространяться не стал, а Турецкий не спрашивал. Самая большая

комната была отведена группе компьютерного обеспечения. Компьютеры здесь были суперклассные. За одним из них сидел молодой, лет двадцати, толстый парень в красной футболке и гонял по экрану танки и самолеты с такой скоростью, что у Турецкого зарябило в глазах.

– Хорошее развлечение, – заметил Турецкий.

– Тренировка пальцев и мозгов, – поправил его Денис. – Это Максим. Весной закончил Бауманский. В компьютерах – бог. Для него взломать любой код – как орех разбить. Ну что, Макс, – обратился он к парню. – Есть что-нибудь по Народному банку?

– Кроме того, что я вам уже дал, – вот! – Макс кивком указал на компьютерную распечатку, лежавшую на столе возле принтера. – Они закрылись ДЭЗом с драйвером «Дискрет систем» в файле «Конфиг сис» с ключом от шести до сорока байтов. И думали, что могут спать спокойно. – Он засмеялся, не отрывая взгляда от экрана.

– Ты понял, что он сказал? – спросил Турецкий.

– Почти ничего, – ответил Денис, просматривая распечатку. – Знаете, дядя Саша, какие у этих ребят анекдоты? «Открываю схему, а там вместо пятнадцатого транзистора стоит семнадцатый». И хохочут.

– Это действительно смешно, – не очень уверенно произнес Турецкий.

– Пойдемте покурим, – предложил Денис. Референт Дорофеева попросил при нем не курить – у него идиосинкразия к табачному дыму. Через пять минут приедет.

Без трех минут час к «Глории» подъехал на новом милицейском «форде» полковник Грязнов. Не успели они с Турецким как следует поздороваться и обменяться новостями, как рядом с муровским «фордом» мягко осел на тормозах серебристый тяжелый лимузин с затемненными стеклами и мерседесовской звездой на радиаторе. Шофер открыл перед Дорофеевым заднюю дверь и двинулся было в директорский кабинет «Глории» вслед за хозяином, но Денис остановил его:

– Побудьте в холле. Здесь безопасность вашего шефа гарантируется. Заходите, Илья Наумович. Разрешите представиться: Денис Андреевич Грязнов. Можно просто Денис.

Дорофеев в некоторой нерешительности остановился на пороге кабинета.

– Я полагал, что буду иметь дело с Вячеславом Ивановичем Грязновым. Мне его рекомендовали как серьезного партнера.

– Познакомьтесь, Вячеслав Иванович Грязнов, заместитель начальника МУРа, основатель нашего агентства. Последние полгода все дела веду я, но на его советы всегда рассчитываю.

Дорофеев и Грязнов-старший обменялись рукопожатием.

– Александр Борисович Турецкий, старший следователь по особо важным делам при Генеральном прокуроре России, – по полной форме представил Денис Турецкого. – Сейчас Александр Борисович в отпуске и выступает в роли нашего консультанта.

Турецкий привстал со своего кресла в углу кабинета и слегка поклонился. Таким же полупоклоном ответил ему и Дорофеев. По-видимому, присутствие Грязнова-старшего и Турецкого развеяло его сомнения, он опустил в предложенное ему Денисом кресло.

– Прежде чем мы перейдем к делу, один вопрос, – продолжал Денис, занимая место за директорским столом. – Ваш телохранитель и шофер – всегда одно и то же лицо?

– Как правило, да.

– Разрешите дать вам бесплатный совет. Вы совершаете довольно типичную ошибку. Телохранитель должен заниматься только своим делом: контролировать обстановку и оценивать всю поступающую к нему информацию. Если он сидит за рулем, от него мало проку, все его внимание занимает дорога.

– Спасибо, – кивнул Дорофеев. – Я это учту.

– Итак, что привело вас в наше агентство?

«Хорошо держится, нахалюга! – отметил Турецкий. – Скромненько, но с достоинством. Знай наших!»

– Видите ли, я оказался в затруднительной ситуации... – начал Дорофеев.

Денис его прервал:

– Извините, но я должен предупредить, что наш разговор записывается на магнитофон. Потом будет сделана расшифровка.

– С какой целью?

– Чтобы в дальнейшем, если возникнет необходимость, мы могли проанализировать. Практика показывает, что участники разговора воспринимают не больше половины из сказанного. Изучение стенограммы позволяет восполнить этот пробел.

– Интересное наблюдение. Важные переговоры я тоже веду под стенограмму. А остальные...

– Кто может заранее сказать, что окажется важным, а что нет.

– Возможно, вы правы. Я, пожалуй, тоже введу у себя эту практику. Так вот, пять дней назад ко мне обратился человек с перспективным коммерческим предложением, – продолжал Дорофеев, тщательно подбирая слова. – Он хотел, чтобы Народный банк через одну из наших холдинговых компаний купил для него лицензию на разработку одного месторождения и акции крупного горно-рудного предприятия.

– Какого? – уточнил Денис.

– Я предпочел бы об этом не говорить. Этот господин – гражданин США, его фамилия Никитин. Игорь Константинович. Вот его визитная карточка... Он сказал, что располагает информацией о том, что акции этого предприятия в ближайший месяц поднимутся в цене не меньше, чем в сто раз.

– Какова общая сумма контракта?

– Мы не могли бы обойтись без этого уточнения? – спросил Дорофеев.

– Вполне, – кивнул Денис. – Но в таком случае вам, Илья Наумович, придется обратиться в другое агентство. Мы можем работать с клиентом лишь при условии, что он полностью нам доверяет.

«Хороший ход», – отметил Турецкий.

– Наверное, с вашей стороны это правильный подход к делу, – подумав, сказал банкир. – Надеюсь, что и я, в свою очередь, могу рассчитывать, что эти сугубо конфиденциальные сведения не станут достоянием третьих лиц?

– Вам придется положиться на мое слово. Были случаи, довольно редкие, когда нам не удавалось справиться с задачей, но ни один из наших клиентов не может пожаловаться на утечку от нас какой-либо информации.

– Мне придется удовлетвориться вашими гарантиями. Месторождение, о котором шла речь, – Имангда. Имангдинское месторождение медно-никелевых руд, в ста двадцати километрах к северу от Норильска. Оно хорошо изучено и считается бесперспективным. Горнорудное предприятие – концерн «Норильский никель». А сумма контракта, предложенного господином Никитиным, сто двадцать четыре миллиона долларов.

Денис чуть не ойкнул.

– И котировка акций концерна поднимется в сто раз? Масштабный проект. Даже очень. В чем привлекательность этого проекта для Народного банка?

– Во-первых, сам контракт, – стал объяснять Дорофеев. – Мы получаем определенный процент за банковские услуги. Но главное не это. Какое-то время эта сумма будет находиться на нашем счету без движения. Мы пустим ее в оборот, будем давать кредиты на очень небольшие сроки под пятьдесят-шестьдесят процентов. Это называется «короткие» деньги. И самое главное – мы сможем принять участие в биржевой игре, предложенной господином Никитиным, вложив в нее и свои средства.

– Сколько?

– Порядка ста миллионов.

– Рублей?

Дорофеев усмехнулся.

– Нет. Долларов, разумеется.

– Что дает Никитину основания полагать, что курс акций «Норильского никеля» сделает такой резкий скачок? – продолжал Денис.

– Он весьма информированный человек. Основные страны – производители никеля Россия, Канада и Южно-Африканская Республика. На первом месте – Россия. И девяносто процентов российского никеля дает норильский концерн. Господин Никитин возглавляет в ЮАР самую крупную геологоразведочную экспедицию. До этого он работал в Канаде, пять лет. Значит, знает там обстановку. А еще раньше, с семидесятого года по семьдесят четвертый, работал в Норильской комплексной геологоразведочной экспедиции – на этой самой Имангде. Его информированность не вызывает сомнений. Конкретизировать свои сведения он отказался. Сослался на то, что сумма, которую он вкладывает в проект, лучшая гарантия достоверности его прогнозов.

– Вас удовлетворило это объяснение?

– В общем, да. Хотя, конечно, я предпочел бы более детальную информацию. Он произвел на меня впечатление серьезного и чрезвычайно осторожного бизнесмена, который не будет без веских причин рисковать такими деньгами.

– Если операция с акциями окажется успешной, как намерен господин Никитин распорядиться полученной прибылью? Перевести ее обратным трансфертом на его счет в Дойче-банке?

– Нет. Я спросил его об этом. Он хочет, чтобы было создано совместное предприятие для доразведки и разработки Имангдинского месторождения. Вся прибыль должна быть вложена в закупку горнодобывающего оборудования, в строительство шоссе и железной дороги от Имангды до Норильска, в создание инфраструктуры. Он даже назвал фирму, с которой уже вел переговоры о поставке оборудования. Это нью-йоркская компания «ЭКСПО, импорт – экспорт».

– Но вы сказали, что Имангда хорошо изучена и считается бесперспективной. Какой смысл вкладывать деньги в разработку бесперспективного месторождения?

– Я спросил его и об этом. Он ответил, что на этот вопрос у него есть свои соображения. Я не стал настаивать на более определенном ответе. В конце концов, это его деньги и его дело.

– У вас вопрос, Александр Борисович? – заметив нетерпеливое движение Турецкого, обернулся к нему Денис.

– Да. Банальный, но необходимый. Господин Дорофеев, сколько может зарабатывать руководитель крупной экспедиции в ЮАР?

– Около двухсот тысяч долларов.

– В месяц?

– В год. Это примерно столько, сколько зарабатывает президент Соединенных Штатов.

– Сто двадцать четыре миллиона даже с такого заработка не накопишь. Для этого понадобилось бы... Сколько же? – Турецкий прикинул на бумажке. – Шестьдесят четыре года. Если ничего не тратить на жизнь.

– Я понял смысл вашего вопроса. Не «грязные» ли это деньги, которые нужно «отмыть» в России? Нет. Они перечислены на наш счет из франкфуртского отделения Дойче-банка...

– Они уже перечислены? – уточнил Турецкий.

– Да, вчера мы получили подтверждение по факсу. А в Дойче-банк они переведены из Чейз-Манхэттен банка. Это очень солидные банки с широкой информационной сетью. Они никогда не связались бы с «грязными» деньгами. Что же касается их происхождения... Я задал господину Никитину этот вопрос. Он ответил, что много лет играет на бирже и назвал имя своего маклера. Рэй Мафферти с Нью-Йоркской фондовой биржи.

– Вы не связывались с ним?

– На следующее же утро после нашего разговора. Он подтвердил, что среди его клиентов есть господин Никитин. Я предугадываю следующий ваш вопрос: насколько удачны биржевые операции господина Никитина? А вот этого я не могу вам сказать. Я даже не рискнул задать господину Мафферти этот вопрос. Коммерческая тайна – святая святых. Вы удовлетворены моими ответами, господин Турецкий?

– Вполне.

– Что вам известно о господине Никитине? – вновь вступил в разговор Денис.

– В основном это сведения о его жизни в России. – Дорофеев достал из кожаной папки с золотой монограммой листок. – Родился в сорок шестом году в Ленинграде. Отец – бухгалтер, мать – учительница. Отец умер в сорок восьмом году от ран, он был тяжело ранен в конце войны. Мать умерла много позже, в семидесятом, как раз в тот год, когда Никитин закончил Ленинградский университет. Получил распределение в Норильск, работал в норильской экспедиции. В семьдесят четвертом был уволен в связи с возбуждением против него уголовного дела по статье семидесятой, часть первая...

– Знаменитая семидесятая! – заметил Грязнов-старший. – Антисоветская агитация и пропаганда. И сколько он получил?

– Нисколько. Тогдашний норильский прокурор, его фамилия Ганшин, отказался поддерживать обвинение против него. Никитин мог потребовать восстановления на работе, но предпочел вернуться в Ленинград. Работал кочегаром в котельной, сторожем на барже. Свою диссидентскую деятельность не прекратил. В конце семьдесят пятого года вновь попал под суд по той же статье. Решением суда был отправлен в психиатрическую клинику в Чистополе для принудительного лечения. Диагноз: вялотекущая шизофрения.

– Тоже знакомо, – снова заметил Слава Грязнов.

– Через полгода был выпущен, – продолжал Дорофеев, держа перед глазами листок. – Написал и распространил по каналам самиздата книгу «Карательная психиатрия». В семьдесят шестом году был осужден по той же статье на три года лишения свободы и последующую ссылку на пять лет. В связи с пропагандистской шумихой, поднятой вокруг него на Западе, через два года был выдворен из страны и лишен советского гражданства. Одновременно с правозащитниками Кузнецовым, Гинзбургом и другими известными диссидентами. США дали ему статус политического беженца и впустили в страну. Через пять лет получил американское гражданство. Что еще? Женат, женился в Норильске в семьдесят первом году на Новиковой Ольге Николаевне, студентке Ленинградского университета, она была в Норильске на преддипломной практике. В семьдесят третьем родилась дочь, Екатерина. В семьдесят шестом, незадолго до последнего ареста, развелся по инициативе жены. Поддерживал ли он связь со своей бывшей женой все эти годы и поддерживает ли сейчас, неизвестно. Возьмите. Может быть, пригодится. – Дорофеев отдал Денису листок.

– Каким образом вы получили эту информацию? – спросил Турецкий.

– Ее собрал по моему распоряжению начальник службы безопасности нашего банка. Анатолий Андреевич Пономарев. Полагаю, воспользовался своими старыми связями. Он в прошлом генерал-майор КГБ.

Турецкий и Грязнов-старший переглянулись. Дорофеев это заметил и счел нужным добавить:

– Служил в «девятке». Правительственная охрана. Когда КГБ начали расформировывать, ему предложили должность с сильным понижением в ФСБ. Он отказался и вышел на пенсию. Мне его рекомендовали как в высшей степени порядочного и опытного человека.

– Сколько человек в вашей службе безопасности? – поинтересовался Денис.

– Около тридцати. Вполне профессиональная команда.

– Почему вы обратились к нам, а не поручили своей службе просветить, как мы говорим, клиента?

– Меня интересуют все подробности жизни Никитина в Штатах, Канаде и ЮАР. Не выезжая из Москвы, такую информацию не получишь. Возможно, вам или вашим сотрудникам придется туда лететь. Пономарева я послать не могу, он не говорит по-английски. И тут есть еще одна очень серьезная проблема...

– Если не возражаете, мы вернемся к этой проблеме чуть позже, – перевел разговор в другое русло Денис. – Скажите, Илья Наумович, если бы Никитин обратился со своим предложением не к вам, а в «Московскую недвижимость» или в Мост-банк, там бы заинтересовались его проектом?

– Несомненно.

– Почему он пришел именно к вам?

– Вероятно, потому, что у Народного банка безупречная репутация.

– Если бы ваш банк вследствие каких-то чрезвычайных причин, форс-мажора, понес убытки, скажем, в восемьдесят четыре миллиона долларов, это привело бы его к краху? – спросил Денис.

«Откуда эта цифра – восемьдесят четыре миллиона долларов?» – не понял Турецкий. Но Дорофеев, похоже, понял. И нахмурился.

– Почему вы об этом спрашиваете?

– Я объясню чуть позже. А сейчас я хотел бы услышать ответ на этот вопрос.

– Нет, не привело бы. Это был бы ощутимый удар, и только. К краху это могло бы привести, если бы дело получило огласку. Все вкладчики потребовали бы немедленно вернуть деньги, а они в обороте. И это был бы крах не только Народного банка, но и всей финансовой системы России. Наш банк – одна из ее опор.

– Расскажите, пожалуйста, о вашем контракте с франкфуртской фирмой «Трейдинг интернэшнл».

Дорофеев даже подался вперед.

– Откуда вам известно об этом контракте?

– Вы позволите мне не отвечать на этот вопрос? У нас есть свои профессиональные тайны. Скажу только одно: вход в вашу компьютерную сеть защищен системой ДЭЗ с драйвером «Дискрет систем». Это уровень Б-2. Вскрыть ваш код может даже средней руки хакер. И если до этого никто таких попыток не предпринимал, в чем я совершенно не уверен, то лишь потому, что никого это не интересовало.

– А вас, как я понимаю, заинтересовало?

– Прежде чем встретиться с клиентом, мы наводим о нем справки. Так же как вы наводили справки о нашем агентстве, – уклонился Денис от прямого ответа.

– Но я для этого не проникал в ваши компьютеры.

– Вам бы это не удалось. У нас уровень защиты А-1. Рекомендую и вам перейти на него. В мире на существует абсолютно надежных кодов, но наш могут взломать только три-четыре суперхакера. В Москве таких всего один. И он работает на нас. Как видите, Илья Наумович, я с вами откровенен. Надеюсь, что и вы будете откровенны со мной.

«Похоже, он его достал!» – подумал Турецкий, заметив, как потяжелело и будто бы слегка обрюзгло круглое добродушное лицо банкира.

– Что именно вы хотите узнать? – спросил Дорофеев.

– Детали. Как им удалось вас провести?

– Это не лучшее из моих воспоминаний. Переговоры с «Трейдинг интернэшнл» мы вели почти год. Затем в Москве подписали договор о намерениях. Речь шла о поставке нефтяного оборудования, так называемых установок «газ-лифт», они позволяют выбирать из нефтеносных пластов не двадцать – двадцать пять процентов, как наши, а до девяноста процентов нефти. Надеюсь, не нужно объяснять, как важно было получить такое оборудование для Тюмени и Самотлора? И не только для них. Через три месяца я прилетел во Франкфурт для подписания

контракта. Предварительно мы, разумеется, выяснили, что такая фирма действительно существует, у нее свой счет в Дойче-банке. Меня немного смутило, что господин Шпиллер не знаком с президентом компании Райнером, но когда я увидел его офис, мои сомнения рассеялись. Это был весьма солидный офис в деловом центре Франкфурта. Первую часть переговоров с Райнером мы провели в его служебном кабинете, а для подписания контракта он пригласил меня к себе домой. Старинный замок километрах в двадцати от города. Огромный каминный зал. Прислуга, ужин при свечах. «Роллс-ройс» к трапу самолета. В общем, я подписал контракт.

– Замок и «роллс-ройсом» он вас добил? – спросил Денис, слушавший рассказ банкира с нескрываемым интересом. Так же как Грязнов-старший и Турецкий.

– Можно сказать и так, – согласился Дорофеев. – Мы перевели деньги на счет фирмы, стали ждать поставку оборудования. Оно не шло. Райнер в разговорах со мной по телефону ссылался на непредвиденные задержки. А потом его телефон перестал отвечать. Я позвонил в замок. Там сказали, что никакого Райнера не знают, а замок арендовал у хозяев на три недели некий Фогельштейн. Офис тоже был арендован – незадолго до того, как мы с Райнером начали переговоры. Вот, собственно, и все.

Денис покачал головой.

– Стоимость полного просвечивания партнера составляет всего один процент от суммы контракта. Почему вы не обратились к профессионалам?

Банкир лишь слегка пожал плечами.

– Я полагал, что достаточно хорошо разбираюсь в людях.

– Не допускаете ли вы мысли, что господин Никитин тоже знал об этих восьмидесяти четырех миллионах и пришел именно к вам потому, что был уверен: в вашем положении вы двумя руками ухватитесь за его проект?

– Сейчас я уже ни в чем не уверен.

– И поэтому обратились к нам?

– В том числе.

– Вернемся к вашей проблеме. В чем она?

– Сразу из Шереметьева господин Никитин приехал в банк. Но после первых фраз предупредил, что кабинет прослушивается.

– Кем?

– Он не знал.

– Почему он так решил?

– Он не сказал. Сказал только, что уверен в этом.

– Он так и сказал: «кабинет прослушивается»? – вмешался в разговор Турецкий.

– Нет. Он не сказал, а написал в моем настольном блокноте.

– Что именно написал?

– «Нас слушают». Поэтому мы вслух говорили о пустяках, а вопросы о деле я писал в блокноте, и он таким же образом давал ответы. Но это было довольно трудно, поэтому он предложил продолжить разговор в гостинице «Космос», где намерен был остановиться. Я приехал в «Космос» через час, как мы и договаривались, узнал у портье, в каком номере Никитин остановился, и поднялся к нему.

– Здесь, пожалуйста, подробнее, – попросил Турецкий. – Что за номер? Что он делал, когда вы вошли?

– Одноместный люкс на шестом этаже. Он распаковывал багаж. Попросил меня подождать три минуты, вызвал горничную и отдал ей свой пиджак – чтобы она отнесла его в химчистку, он случайно испачкал его, когда выходил с автостоянки. После того как она ушла, сказал: «Вот теперь можно спокойно поговорить». Мы продолжили обсуждение. Суть вы знаете, речь шла о деталях: когда будут переведены деньги на наш счет, когда нужно будет приступить к покупке акций...

– Когда? – спросил Турецкий. – Как только получите деньги из Дойче-банка?

– Нет. Он сказал, что известит меня о начале реализации проекта. И произойдет это примерно в течение месяца. Он высказал уверенность, что за этот месяц акции «Норильского никеля» еще больше упадут в цене.

– Почему он так решил?

– На основании своей информации. Эта тенденция легко прослеживается. Сотрудники моего аналитического отдела проанализировали ситуацию с никелем на мировых рынках. Вот подробный анализ, со схемами и всеми выкладками. – Дорофеев достал из папки и положил перед Денисом еще несколько листков, соединенных скрепкой. – В общих чертах положение такое. В течение последних трех-четырёх лет производство никеля постепенно снижается, цены на фондовых биржах также постепенно растут, акции же норильского концерна теряют, как мы говорим, в весе. При номинале двести пятьдесят рублей и котировке примерно сто четырнадцать тысяч систематическое падение курса за неделю составляет от полутора до двух тысяч рублей.

– Не совсем понятно, – заметил Турецкий. – Цена никеля растет, акции же крупнейшего производителя падают. Почему?

– Себестоимость норильского никеля очень высокая и все время повышается. Дело в том, что рудные жилы там очень глубокого залегания. Рудники уже ушли на глубину более двух километров. Влияют и забастовки горняков, требующих повышения оплаты труда и улучшения условий работы. Последнее время, правда, забастовки прекратились.

– Продолжай, – кивнул Турецкий Денису.

– Так в чем, собственно, ваша проблема? – спросил Денис.

– Когда господин Никитин уходил из моего кабинета, в блокноте он написал: «Эти записи сожгите». В конце разговора в гостинице он спросил, сделал ли я это. Я ответил, что порвал записи на мелкие клочки и бросил в корзину для бумаг. Пепельницы у меня нет, зажигалки тоже, а просить у сотрудников не хотелось, это могло вызвать ненужное любопытство. Никитин выразил крайнюю озабоченность и настоятельно посоветовал мне вернуться в банк и сжечь записи. Я сначала не придавал этому значения и уехал домой. Но дома вспомнил его слова и ощутил беспокойство. Вызвал машину, вернулся в банк. И...

– Клочков бумаги в корзине не оказалось, – подсказал Турецкий.

– Да, – подтвердил банкир. – Охранник сообщил, что после моего отъезда в кабинет заходил только начальник службы безопасности Пономарев.

– Понятно, – проговорил Денис. – Вы не спросили его, зачем он заходил?

– Нет. Я решил обратиться к профессионалам. К вам. И кажется, не ошибся.

– Почему вы не сделали этого сразу, а ждали целых пять дней?

– Мне хотелось узнать, какую информацию о Никитине достанет Пономарев.

– Подведем итоги. Ваш заказ состоит из двух частей: окончательно просветить вашего партнера и выяснить, на кого из ваших конкурентов работает Пономарев. Кто ваши конкуренты?

Банкир был предельно краток:

– Все.

– Что ж, мы выполним для вас эту работу. Наши условия вы знаете, они у всех агентств одинаковы: один процент от суммы контракта плюс расходы, связанные с выполнением вашего заказа. Пятьдесят процентов – предоплата, остальные пятьдесят – после окончания работы. Я подготовлю договор и завтра пришлю вам на подпись.

«Неслабо! – подумал Турецкий. – Один процент от ста двадцати четырех „лимонов“ – „лимон“ с четвертью баксов! Ай да „Глория“! Понятно, откуда у них все эти компьютеры и спецсредства».

– Договорились. – Дорофеев поднялся.

– Еще полминуты, – остановил его Денис. – Какое впечатление произвел на вас мистер Никитин?

– Хорошее. Весьма респектабелен. Невозмутим. Выглядит моложе своих пятидесяти, хотя совершенно седой.

– Седой? – неожиданно заинтересовался Грязнов-старший, начавший уже нетерпеливо поглядывать на часы.

– Да, – подтвердил банкир. – Как Клинтон. Или как наш Президент. Седина, загар, серые глаза – все это довольно эффектно. Можете сами убедиться, наши люди сделали несколько снимков. Скрытно, разумеется.

Дорофеев положил на стол три крупных цветных снимка: Никитин садится в машину, Никитин в «форде», Никитин на какой-то московской улице.

– Ваши люди за ним следили? – спросил Турецкий.

– Да, но никаких контактов не зафиксировали. А вчера они его потеряли. И в «Космосе» он не ночевал, хотя номер по-прежнему за ним. Если у вас нет ко мне больше вопросов, позвольте откланяться.

Денис пошел проводить гостя, а Турецкий и Грязнов принялись рассматривать снимки.

– Ну как? – спросил Денис, вернувшись.

– Грамотно, – одобрил Турецкий.

– Моя школа! – не без самодовольства добавил полковник Грязнов.

– Ну что, дядя Саша, беретесь за это дело? Мои кадры сидят на зарплате плюс премия, а вам мы будем платить по сто баксов.

– В месяц? – спросил Турецкий.

– В день.

– Первый, кажется, раз в жизни мне предлагают дело, в котором нет трупов. Даже странно: такие бешеные бабки – сотни «лимонов» «зеленых» – и ни одного трупа.

– Один, похоже, уже есть, – возразил Грязнов-старший. – А может, и не один. Пять дней назад наши оперативники вели скрытую видеосъемку одного типа в Шереметьеве-2. Карманник. Кличка Очкарик. Я видел пленку, там зафиксирован контакт Очкарика с этим седым. Ну будто Очкарик случайно налетел. Но нашему оперу Никитин сказал, что у него ничего не пропало. Я вот сейчас и думаю: может, Очкарик не обчистить его хотел, а совсем наоборот?

– Что ты имеешь в виду? – не понял Турецкий.

– А ты подумай. Вспомни: Никитин написал в блокноте не «кабинет прослушивается», а «нас слушают». Есть разница?

– Есть. Хоть и небольшая.

– Большая. Для того, кто понимает.

– «Кабинет прослушивается». «Нас слушают»... Значит, ты предполагаешь, что Очкарик сунул ему «жучка»? И Никитин его нашел?

– «Нас слушают», – повторил Грязнов-старший.

– Как?

– Хороший вопрос.

– Знаешь, Славка, про меня Костя Меркулов говорит, что я выпекаю версии, как автомат пончики. Но сейчас ты меня обскакал.

– Просто тебе не все известно. Той же ночью, примерно в два десять, Очкарик погиб. Его «восьмерка» столкнулась с «КамАЗом». На пустой дороге. В четырех километрах от аэровокзала. Судя по следам, «КамАЗ» резко вывернул на встречную полосу и столкнулся лоб в лоб с «восьмеркой» Очкарика. «КамАЗ» с места происшествия скрылся, утром его нашли брошенным на Ленинградском шоссе. Сильно помятый бампер, следы краски от «восьмерки». Выяснили, что накануне вечером его угнали от автобазы, пока водитель ходил подписывать путевки. В сводках это прошло как дорожно-транспортное происшествие, ДТП. Но это было не ДТП.

– Уверен?

– На все сто. Удалось снять отпечатки пальцев с руля «КамАЗа». Были стерты, но наспех, не все. Идентифицировали. За рулем был некий Гусак, подручный Бурбона, лидера химкинской группировки. Вор в законе. Они держат все Шереметьево. Уже с год Гусак числится в федеральном розыске – за бандитизм. Есть еще вопросы?

– Зацепка, – подумав, согласился Турецкий. – А второй труп?

– В этом я еще не уверен. Хотя соображения есть. Проверю – скажу. Ну, побежал, а то меня, наверное, уже обыскались.

– Ну и что вы, дядя Саша, обо всем этом думаете? – спросил Денис, когда за Грязновым-старшим закрылась дверь.

Турецкий ответил не сразу.

– Не нравится мне все это.

– Кагэбэшник?

– И он. Как это – три дня следили и не выявили ни одного контакта? Значит, плохо следили. Или Пономарев о контактах Никитина банкиру не рассказал. Не мог же этот красавчик три дня ни с кем не общаться. А что он тогда делал в Москве? И даже не в этом главное. Слишком все просто. Доверчивый банкир. Отставной генерал КГБ, работающий на конкурентов. Как в детской картинке: обведи и раскрась. И нам эту картинку словно подсовывают. А заодно и набор фломастеров. Именно этими цветами раскрашивай. А больше всего мне не нравится сам Дорофеев. Не тот он человек, которого можно обвести вокруг пальца старинным замком или «роллс-ройсом». Не верю. И в то, что он не знал, что будет иметь дело не только с тобой, но и со Славкой, тоже не верю. И даже в то, что присутствие Славки и мое было для него неожиданностью, – не верю. Не знаю почему, но разрази меня гром – не могу поверить.

Денис, похоже, восхитился:

– Ну и интуиция у вас, дядя Саша!

– Спасибо за комплимент. Но с чего ты это взял?

Денис вынул из папки фирменный бланк «Глории» с компьютерной распечаткой и передал Турецкому. Объяснил:

– Из Народного банка.

На листке было:

"Файл «Глория». Индивидуальное частное предприятие. Детективно-охранное агентство. Лицензия No 01934 от 15 авг. 1994 г. Учредитель и первый владелец – бывший старший оперуполномоченный МУРа, полковник милиции Грязнов Вячеслав Иванович. С января 1996 г. – владелец Грязнов Денис Андреевич, племянник Грязнова В. И., 1968 г. рождения, ранее проживал в г. Барнауле.

Специализация: охрана VIP, информационные услуги, розыск пропавших, консультационные услуги, системы охранной сигнализации и видеонаблюдения, средства радиосвязи и звукозаписи, обеспечение информационной безопасности, досмотровая и поисковая техника, выявление технических каналов утечки информации.

Связи: зам начальника МУРа полковник Грязнов В. И., начальник 2-го отдела МУРа (расследование убийств) подполковник Яковлев Владимир Николаевич, старший следователь по особо важным делам при Генпрокуроре РФ старший советник юстиции Турецкий Александр Борисович, заместитель Генерального прокурора РФ по следствию государственный советник юстиции 2-го класса Меркулов Константин Дмитриевич, бывший начальник МУРа, ныне ведущий специалист Совета Безопасности РФ генерал-майор милиции Федоров Юрий Иванович и др.

Справку подготовил Пономарев А. А."

Турецкий вернул распечатку Денису.

– Значит, я был прав.

– А то, что у нас есть информация о контракте с «Трейдinг интернэшнл», он, по-вашему, тоже знал? – спросил Денис.

– Пожалуй, нет. Похоже, это было для него сюрпризом. И крайне неприятным.

– Зачем же он к нам пришел?

– Возможно, нам отводится какая-то роль в его комбинации.

– Агентству «Глория»?

– Скорей – МУРу и Генеральной прокуратуре. Сколько человек ты можешь задействовать в этом деле?

– Сколько нужно.

– Давай прикинем. Двоих в «наружку» – вести Пономарева. Еще двое – Дорофеева. Если обнаружится Никитин – к нему тоже двоих. Завтра же проверить кабинет Дорофеева, есть ли там «жучок». Если есть – не трогать. И в любом случае поставить свой. То же – в «Космосе», в номере Никитина. И домашние телефоны Пономарева и Дорофеева – тоже на прослушку...

– Так вы беретесь за это дело? – повторил свой вопрос Денис.

– Как это – берусь или не берусь? – удивился Турецкий. – По-моему, я за него уже взялся.

* * *

Значит, Гусак. И Бурбон, вор в законе.

Вор в законе. От одних этих слов веяло чем-то пещерным, первобытно-свирепым, временами «черных кошек», «попрыгунчиков», наводивших ужас на обывателей послереволюционной России, какой-то архаикой, никак не сочетавшейся с новым лексиконом, укоренившимся в быту новой России, – всеми этими лизингами, шопингами, маркетингами и трансфертами. А между тем архаика этих слов соответствовала действительности с точностью до наоборот. И об этом убедительнее и красноречивее самых глубоких и тонких исследований ученых-криминологов свидетельствовали сухие, как протокол, строки документов, в изучение которых Турецкий погрузился в архиве Зонального информационного центра ГУВД.

Из информационно-аналитических материалов МВД РФ:

"В период с 1926 по 1940 год НКВД СССР принял ряд закрытых документов, регламентирующих работу правоохранительных органов по ведению наружной и внутренней разведки в преступных организациях, бандоформированиях, воровских шайках, на притонах и малинах, порядок работы с негласным аппаратом. В тот период взаимоконтактов между бандформированиями не было зафиксировано. Элементы организованности просматривались лишь среди профессиональных картежных шулеров и воров-карманников: обмен опытом, распределение сфер деятельности и др. Именно в этой среде зародилось т. н. «воровское братство», а позже появились первые т. н. «воры в законе». Объединившись, они не только решали проблемы самозащиты, но постепенно подчиняли себе все преступные образования. Взаимовыручка, материальная поддержка из общей кассы («общак»), совместная конспирация помогали им эффективно противостоять давлению государства как в условиях свободы, так и в местах заключения...

«Воры в законе» (в своей среде именующие себя просто Воры) обязаны придерживаться жестких норм поведения, безоговорочно поддерживать т. н. «воровскую идею». Предательство, совершенное даже под пытками, в состоянии наркотического опьянения или расстройства психики, не считается оправданием. Вору предписывается быть честным по отношению к равным себе по положению в преступной иерархии, он не имеет права оскорбить или ударить другого Вора или приближенного к «законнику» уголовного «авторитета». По отношению к людям, не принадлежащим к клану Воров или «авторитетов», Вор обязан делать все, что содействовало бы укреплению власти Воров, вплоть до насилия и убийства.

Вор обязан следить за порядком в местах заключения, устанавливать там свою полную власть. В противном случае он несет ответственность перед воровской сходкой («сходняком»). Существует ритуал проведения «сходняков», на которых Воры и «авторитеты» должны присутствовать без женщин и без оружия. На сходках принимаются в Воры новые члены, проводится суд над виновными. Основные наказания: лишить звания Вора («дать по ушам»), перевести в низшую категорию («опустить»), в большинстве же случаев виновный в нарушении «воровского закона» или отступлении от него приговаривается к смерти.

По данным МВД РФ в 1988 г. число «воров в законе» в России составляло 512 человек, в 1990 г. – 660, в 1996 г. – 740. 65 процентов из них – выходцы с Кавказа и из Закавказья, около 33 процентов – русские, 2 процента – узбеки, татары, украинцы, казахи, евреи. До 120 «воров в законе» проживают в Москве и в Московском регионе. Более половины из них – уроженцы Кавказа, т. н. «лавровая масть». Между ними и Ворами славянской ориентации в последние годы резко усилился антагонизм, борьба за передел сфер влияния, сопровождающаяся кровавыми «разборками». Серьезно подрывают традиционное влияние «воров в законе» и «авторитетов» и лидеры новых преступных группировок, сформированных, как правило, из бывших спортсменов Москвы и Московской области, а также военнослужащих после Афганистана и Чечни. Совершаемые ими преступления отличаются особой жестокостью, в уголовной среде их называют «беспредельщиками»...

По оперативным данным, наиболее сильные позиции в столичном регионе имеет т. н. чеченская община. Среди других организованных преступных группировок – солнцевской, бауманской, подольской, измайловской и др. – в последнее время заметно выросло влияние химкинской группировки, которую возглавляет «вор в законе» Н. И. Ермаков по кличке Бурбон..."

Из литерного дела Б. Справка-меморандум:

"Ермаков Николай Иванович, 1941 г. р., уроженец г. Химки Моск. обл., кличка Бурбон (происхождение клички не выяснено). Отец погиб в годы ВОВ, мать умерла во время эвакуации. Воспитывался в детских домах г. Казани и г. Долгопрудного Моск. обл. В спортивной школе ЦСКА занимался боксом. Отличался физической выносливостью, бесстрашием и жестокостью к противникам на ринге.

Первая судимость – в 1961 г. по ст. 145 УК РСФСР (грабёж). Осужден на 3 года лишения свободы. В ИТК попал под влияние вора в законе Хохлова по кличке Хохол. Хохол освобожден на год раньше Ермакова, сколотил банду из 32 человек, ранее судимых. Банда действовала на северо-западе Москвы и области, имела осведомителей среди валютчиков, фарцовщиков, проституток. Жертвы выбирались из числа подпольных миллионеров, работников торговли, собирателей антиквариата и богатых цеховиков. Таким образом обеспечивалась беззастенчивость преступлений. Подвергнутые ограблению и вымогательствам, нередко с помощью пыток, они, как правило, не обращались в милицию, так как не могли объяснить у них наличие крупных сумм денег, валюты и ювелирных изделий.

После отбытия срока заключения Ермаков-Бурбон примкнул к Хохлову и стал одним из его доверенных лиц.

В 1970 г. банда Хохлова была разгромлена МУРом. Сам Хохлов был приговорен к высшей мере, остальные члены банды получили максимальные сроки. Ермаков-Бурбон, снабжавший Хохлова оружием и принимавший непосредственное участие в преступлениях, избежал ареста, скрывшись от следствия. Материалы в отношении его в отдельное производство выделены не были, это помогло ему избежать наказания, а в дальнейшем заставило действовать с повышенной осторожностью.

Из оставшихся на свободе членов банды Хохлова Бурбон создает собственную группировку. Действия его отличаются особой дерзостью. Под видом сотрудников правоохранитель-

ных органов он вместе с членами своей банды производит обыски у миллионеров-теневиков, гастролирует по стране, совершает разбои в Риге, Свердловске, Казани и др. Разбои сопровождаются убийствами. К 1980 г. ОПГ (организованная преступная группировка) Ермолаева-Бурбона насчитывала до 200 боевиков. Специализацией банды были грабежи, вымогательства, заказные убийства, а впоследствии рэкет, охранные услуги коммерческим структурам («крыша»), выбивание долгов и пр. Сферы влияния распространялись на аэропорты Шереметьево-2 и Шереметьево-1, вещевой рынок и вернисаж в Измайлове, торговлю в начале Ленинского проспекта, Перово, Выхино, Зеленодольск, а также художественные промыслы Сергиева Посада.

В последующий период деятельность ОПГ Бурбона принимает такой размах, что к разработке банды подключается КГБ СССР. Оперативно-розыскными мероприятиями были установлены нелегальные квартиры и дачи, где жили члены ОПГ, более 90 автомобилей, которыми они пользовались, выявлены склады оружия и наркотиков. Несмотря на то что документирование преступлений было не завершено, руководство МВД и КГБ принимает решение об аресте Ермолаева-Бурбона и членов его банды. 14 мая 1984 г. силами МУРа и спецподразделений КГБ был произведен арест Ермолаева и 120 его сообщников. Ермолаев и другие руководители ОПГ были помещены в следственный изолятор Бутырской тюрьмы и содержались под усиленной охраной. Во время следствия воры в законе, также находившиеся в это время в Бутырке, возвели Ермолаева-Бурбона в ранг Вора, тем самым еще больше укрепив его авторитет в преступном мире.

Во время суда сообщниками Ермолаева, оставшимися на свободе, была предпринята беспрецедентная по дерзости попытка освободить его. Нападением на конвой, по агентурным данным, руководил молодой член химкинской ОПГ Гусаков по кличке Гусак. Попытка оказалась неудачной. В перестрелке был убит начальник конвоя, Гусаку и его сообщникам удалось скрыться.

Вследствие давления на свидетелей и физического устранения четверых из них доказательная база обвинения была разрушена, из 32 эпизодов уголовного дела в судебном заседании был бесспорно подтвержден только один (вымогательство под угрозой оружия). Ермолаев был признан виновным и приговорен к 14 годам лишения свободы в ИТК строгого режима.

6 марта 1985 г. он прибыл этапом в Магадан, но уже 30 июня за злостные нарушения внутрилагерного распорядка этапировается в зону тюремного режима СТ-2 г. Тулуна Иркутской области, где и остается до конца заключения.

За время пребывания в СТ-2 Ермолаев-Бурбон 58 раз нарушал режим, 35 раз водворялся в штрафной изолятор, на 2 месяца переводился в помещение камерного типа. Несмотря на это, администрация СТ-2 в 1990 г. в ответ на запрос секретариата Верховного Совета РСФСР характеризует его вставшим на путь исправления, осознавшим свою вину и раскаявшимся в своих преступлениях. Рассмотрев прошение Ермолаева о смягчении наказания, заместитель председателя Верховного Суда РФ К. ходатайствует о снижении срока Ермолаеву. В конце 1991 г., пробыв в заключении 7 лет вместо 14, он возвращается в Москву. Агентурные источники сообщают, что главную роль в досрочном освобождении Бурбона сыграл один из самых крупных уголовных авторитетов Москвы, вор в законе Иванов по кличке Кореец. Он задействовал очень крупные суммы из московского «общака» для взяток, однако документированных подтверждений этого получить не удалось.

Ермолаев-Бурбон вновь становится во главе химкинской ОПГ, доводит ее численность до 300 человек. Но сам, оставаясь руководителем ОПГ, непосредственного участия в преступлениях не принимает. После отъезда в США Иванова-Корейца он становится его преемником в роли «смотрящего» и держателем московского «общака». Представляется неслучайным, что именно в этот период обостряется борьба ОПГ славянской ориентации с т. н. «лавровой мастью», и чеченская община начинает заметно уступать свои позиции. В столкновениях с

применением автоматического оружия и даже гранатометов принимает участие до 100, 150 и даже до 200 человек.

Сохраняя все прежние способы преступного обогащения, химкинская ОПГ активно вторгается в сферы бизнеса. Ермолаев-Бурбон, продолжая традиции своего партнера и учителя Иванова-Корейца, привлекает к сотрудничеству выпускников экономических вузов, переманивает наиболее перспективных работников из Минфина, Центробанка и других госорганов. Интересы химкинской ОПГ прослеживаются в деятельности банковских и коммерческих структур, специализирующихся на сделках с нефтепродуктами, лесом, стратегическим сырьем.

В 1994 г. Ермолаев-Бурбон посещает США, где встречается с проживавшим там Ивановым-Корейцем (в настоящее время осужден американским судом на 5 лет лишения свободы за нарушение иммиграционных законов и отбывает наказание в тюрьме г. Атланты). Есть сведения, что в получении загранпаспорта и въездной визы в США Ермолаеву, как в свое время и Иванову-Корейцу, способствовали спецслужбы как России, так и США. Что послужило этому причиной, выяснить не удалось.

В настоящее время Ермолаев-Бурбон, имеющий возможность практически бесконтрольно распоряжаться огромными суммами в рублях и валюте, размещенными в российских и иностранных банках (средства московского «общака»), является одним из самых богатых людей России. Несмотря на это, он ведет скромный образ жизни, редко бывает в ресторанах, не курит, почти не пьет, не употребляет наркотики. За ним прочно укрепились репутация «правильного» вора, ни в чем не отступающего от «воровского закона». Близко знающие его люди утверждают, что «воровской идеей» он болен с молодости и глубоко ей привержен. Это может быть объяснено интеллектуальной малоразвитостью Ермолаева-Бурбона и условиями сформировавшей его характер среды. Занимается самообразованием. Широко, хоть и поверхностно, начитан.

Официально Ермолаев-Бурбон числится консультантом московской внешнеторговой ассоциации «Восход». Из ее офиса, расположенного по адресу ул. Лесная, 12, строение 6, он осуществляет руководство деятельностью своей ОПГ. При этом принимаются все меры предосторожности, разговоры по телефону ведутся условными фразами, в местах встреч с партнерами выставляется контрнаблюдение, устраивается на автомобилях «карусель», чтобы обнаружить и отсечь хвост. Не реже чем раз в год меняет квартиры. В настоящее время проживает в Строгине по адресу: ул. Маршала Катукова, 15, кв. 136. Имеется запасная законспирированная квартира в Мневниках и хорошо охраняемая, также законспирированная дача в пос. Ивантевка...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.